

INSPIRIA

Кирсти
Мэннинг

Забытое
сокровище
хранит ключ
к разгадке
семейной тайны

ПОТЕРЯННЫЕ СОКРОВИЩА

INSPIRIA

Novel. Семейный альбом

Кирсти Мэннинг

Потерянные сокровища

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Мэннинг К.

Потерянные сокровища / К. Мэннинг — «Эксмо»,
2020 — (Novel. Семейный альбом)

ISBN 978-5-04-159062-8

Лондонский пожар, 1666 год. Дома охвачены ярким огнем, но одна из жительниц занята не заботой о собственной жизни, а спасением семейных ценностей. Сундук обнаружили в Чипсайде лишь в 1912 году - громкое событие, потрясшее весь Лондон... Для американского историка Кейт Кирби работа над драгоценностями может стать делом всей ее жизни. Но во время поездки в Лондон всплывают семейные секреты: бабушка Кейт явно связана с этой находкой. Что произошло сто лет назад в эдвардианском Лондоне? Основанный на реальной истории, "Потерянные сокровища" - захватывающий роман о драгоценных камнях, ювелирах и украшениях, которые хранят в себе немало тайн, разгадать которые предстоит Кейт, чтобы узнать истину.

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-159062-8

© Мэннинг К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	28
Алмаз-сырец	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кирсти Мэннинг

Потерянные сокровища

Посвящается Генри, позволившему мне взглянуть на Лондон по-новому.

Оставайся таким же пытливым, отважным и искренним.

Красота есть истина, а истина прекрасна —

и в этом вся земная мудрость, что знать нам суждено.

Джон Китс «Ода к греческой вазе»

Пролог

Лондон, сентябрь 1666 г.

Дым был такой плотный, что ей пришлось прикрыть рот и нос передником. Падающие со всех сторон искры опалили ее длинные косы. Теперь их придется отрезать. Мама будет в ярости, но она пообещала папе, что доведет дело до конца, даже несмотря на то, что пламя с яростным ревом уже бушевало на узких булыжных мостовых.

Никто ее пока не хватится. Мама и мальши, должно быть, уже проплывают под Лондонским мостом в баркасе, укрывшись плотными шерстяными одеялами, чтобы спастись от ливня искр и пепла. Устав упрашивать мать, девушка просто затолкала ее вместе с ребенком в переполненную лодку, обещая, что поплывет вместе с ними, но как раз в тот момент совсем рядом взорвались бочки с маслом и топленым жиром.

– Ты должна думать о ребенке! Папа бы... – кричала она с пристани, но ее слова поглотил обжигающий восточный ветер.

Баркас отчалил от пристани и исчез в дымной мгле. На берегу царил хаос, горожане выгружали с повозок свои сундуки и кожаные кофры, набитые наиболее ценными вещами. Лошади в ужасе фыркали и, прижав уши, высоко запрокидывали головы, лязгая копытами по брусчатке. Девушка была рада, что мама и мальши Сэмюэль уплыли. Теперь они в безопасности.

Взволнованный капитан баркаса, упершись одной ногой в деревянный причал, удерживал свое судно. Он протянул девушке руку, но она отступила назад в гуцу дыма и пепла, повернулась на своих стоптанных каблуках и бросилась вверх по склону прочь от Темзы. Девушка бежала до тех пор, пока не стала различать на фоне оранжевого неба серые контуры шпиля собора Святого Павла. Его каменные стены взрывались, как порох, но девушка упорно пробиралась сквозь толпы людей, в панике устремившихся к реке. Она замедлила шаг, ступая осторожно и глядя под ноги, чтобы избежать ручейков расплавленного свинца и кипящего дерьма, растекающихся по булыжной мостовой. Вскоре ей пришлось пробираться на ощупь вдоль стен. Пальцы рук скользили по неотесанным бревнам, а под ногами хрустело битое стекло. Всю свою жизнь она провела на этих улицах и переулках, знала их наизусть, и теперь, проходя мимо, она шептала их названия: Скобяной переулочек, Королевский, Медовый, Молочный, Столярный, Масляный и затем Фостер-лейн. Почти дома.

Два соседних здания, прилегающих к их дому, были охвачены ярким огнем. Мужчина, повернув рукава, пытался сбить пламя, плеская воду из ведер. Но огонь с ревом и шипением взбирался вверх по стенам, перекидываясь на деревянную черепицу, словно насмехаясь над людьми, мечущимися внизу.

– Уходи...

– Слишком поздно...

– ...пробирайся к монастырю Блэкфрайерс...

– Собор Святого Павла полыхает...

Но поворачивать было уже поздно. Только не теперь, когда она так близко к дому, когда она обещала отцу... Неистовый звон колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу указывал ей направление, и она медленно пробиралась сквозь густую завесу дыма. Когда девушка нащупала знакомые кованые цифры на входной двери, она навалилась на нее всем телом и отворила. Мимо проносились гужевые повозки, направляясь к пристаням или за городские стены, люди заскакивали на них на ходу, и никто не обратил внимания, как девушка проскользнула в двери дома за номером тридцать два. У нее горело в груди, словно с каждым вздохом она втягивала в свои легкие жаркое пламя. На глазах выступили слезы, но девушка промокнула их своим грязным

рукавом. Сейчас было не время раскисать. Сбравшись с духом, девушка опустилась на колени и поползла по голубому персидскому ковру, покрывающему пол в прихожей, к двери, которая вела в крохотную комнатку – папину мастерскую. С проворностью жаворонка она сняла с шеи тесемку, на которой висел ключ. Этот ключ она всегда прятала под одеждой, когда отец отправлялся в свои путешествия, как талисман, который зазывал отца вернуться домой.

Огненный шторм набирал силу. Через разбитые окна и открытую входную дверь дом наполнялся жаром. Со всех сторон доносился страшный грохот рушившихся домов. Черепица дома, в который проникла девушка, тоже начала тлеть и со свистом трескаться. Ей нужно было спешить. Девушка отперла дверь и устремилась вниз по узкой лестнице. Спустившись в прохладный подвал, она почувствовала короткое облегчение. После уличного хаоса здесь было так спокойно и тихо. Она присела, чтобы отыскать на земляном полу секретную метку. Под ней были зарыты семейные ценности, и теперь она должна была их забрать. Она знала, что папа все понял бы. Она обещала, что позаботится о маме и мальшше Сэмюэле, но тех монет, что в спешке были завернуты матерью в платок, надолго не хватит. Девушка быстро прошептала короткую молитву, затем схватила стоявшую в углу лопату и начала копать.

Глава 1

Доктор Кейт Кирби

Бостон, наши дни

Именно Джейн Риверс, ведущий редактор глянцевого журнала, и предложила Кейт командировку в Лондон по поводу чипсайдской находки. Звонок застал Кейт, когда она сидела за столом в библиотеке своего заброшенного бостонского особняка, потягивая горячий шоколад, сдобренный корицей, ежилась от холода под серым шерстяным одеялом и пыталась согреть ноги пышущим жаром обогревателем. Формально дом принадлежал ее родителям – семья владела им уже четыре поколения, – но никто не хотел жить в сырости, со сквозняками и затхлым запахом старости. Никто, кроме Кейт.

Кабинет был ее любимой комнатой – и единственной, которую она утеплила и привела в порядок. Он был большой, но удобный. С книжными полками от пола до потолка вдоль трех стен, письменным столом, принадлежавшим еще прадедушке, и диваном с обивкой переливчато-синего цвета, на котором Кейт засыпала чаще, чем ей хотелось бы.

Напротив стола на стене висела обрамленная купчая на первый пароход, который прабабушка с прадедушкой приобрели в 1914 году. Судно получило название – «Эстер Роуз» – в честь прабабушки, которую в семье звали просто Эсси. На столе красовалась фотография очаровательной трехлетней племянницы Кейт – Эммы, сжимающей в объятиях кинг-чарльз-спаниеля по кличке Меркуцио – неподходящее имя для собаки, но на нем настояла Молли. (Сестра Кейт питала слабость к второстепенным персонажам шекспировских пьес.) Рядом с фотографией лежал дневник Кейт, который она начала вести четыре года назад, но теперь забросила. Фактически вела она его лишь первые девять месяцев. По какой-то причине Кейт не могла ни выбросить его, ни упрятать в коробку с другими вещами, оставшимися от того года.

И вот этот звонок.

– Ты смогла бы приехать в Лондон в следующий понедельник? У нас тут намечается грандиозное расследование. Я думаю, понадобится не меньше недели. Я понимаю, предложение слишком неожиданное, – голос Джейн звучал слегка жеманно и очень учтиво, но за этим слышалась настойчивая просьба.

– А что за расследование?

– По поводу драгоценностей Чипсайда.

Кейт почувствовала покалывание по всей коже.

– Наконец-то! Кого и чем подкупила?

– Я посулила обложку и оба вкладыша в обмен на эксклюзив. Мы хотим осветить эту тему, прежде чем «Тайм», «Вог» или «Вэнити Фэйр» влезут. Лондонский музей на прошлой неделе закончил каталогизацию и необходимую реставрацию. И у нас есть последний шанс получить доступ к коллекции, прежде чем музей закроется для переезда в Вэст-Смитфилд – на год или около того. Уже посыпались заявки от рекламодателей. «Де Бирс», «Картье»... все сразу, – Джейн выдержала эффектную паузу и продолжила: – В общем, по эту сторону Атлантики эта тема вызывает огромный интерес и сулит массу денег – конкуренты будут в бешенстве. Наш генеральный и председатель правления рвут и мечут наперебой – они уверены, что эта серия вернет людей к печатным журналам. Драгоценные камни смотрятся гораздо эффективнее на бумаге, чем на экране.

«Да, это правда, – думала Кейт. – Фотография бриллианта, отпечатанная с высоким качеством, – отличный вариант прикоснуться к миру драгоценностей».

Но для нее способ репродукции стоял лишь на втором месте. История – вот что интересовало Кейт больше всего. История побуждала погрузиться в мир прошлого как можно глубже, чтобы отыскать нечто оригинальное – факты, которые были упущены или просто забыты.

– У меня скоро важная встреча, так да или нет? – напирала Джейн. – Мне выделили солидный бюджет, не буду говорить тебе, какая это редкость в наше время. Мне позволено покрывать любые расходы на все необходимые поездки.

– Ты имеешь в виду поездки помимо Лондона?

– Ну, я так понимаю, эти драгоценности не местного происхождения. Там нет алмазных рудников.

– Я поняла, – решила Кейт. – Действительно, в этой истории есть где покопаться.

Джейн рассмеялась.

– Знала, что оценишь.

– Спасибо. И благодарю, что вспомнила обо мне.

Повисла неловкая пауза.

– Ну, на самом деле сверху проталкивали Джослин Кэссиди из Смитсоновского института, но в музее не были в восторге от этой идеи, и... Я так понимаю, ты знакома с нынешней директрисой музея, профессором Райт из Оксфорда?

– Конечно.

– Она говорит, что твои исследования в этой области не имеют себе равных. А последняя твоя работа, что я тебе давала, – в Болгарии, – просто превосходна. Ракурс, конечно, неожиданный, но мне понравилось. Это было очень необычно.

– Еще бы! Их арт-директор соглашался на интервью только за обедом. Абсурдно долгие застолья. К тому же я обязана была съесть гору пасты и выпивать графин кьянти. И так каждый день в течение недели.

– Боюсь, в этот раз такого питания я тебе обещать не смогу! Только бесценные сокровища. Ну, так что ты скажешь? Мы должны действовать очень быстро.

«Бесценные сокровища... Лондонский музей», – вертелось в голове у Кейт.

– Знаешь, у меня на данный момент есть кое-какие дела, – ушла от прямого ответа Кейт, – позволь, я посмотрю свое расписание и перезвоню.

На этом они распрощались, и Джейн пообещала выслать имеющуюся у нее информацию о коллекции.

Кейт откинулась на спинку кресла, собрала кудри в хвост, натянула одеяло на плечи и, попивая оставшийся шоколад, стала мысленно составлять список дел, которые ей нужно было завершить до отъезда в Лондон. Через две недели швейцарский клиент ждал от нее страховой отчет. Стол был завален фотографиями архивных экспонатов, которые дом Картье планировал показать в Париже во время Недели моды. Под фотографиями покоился ее реферат на соискание докторской стипендии в Гарварде, который следовало подать в следующем месяце. И наконец, в самом низу прятался коричневый конверт со штампом в виде листа серебряного папоротника, в котором были документы на развод. Она должна была подписать их, отослать адвокату Джонатана и жить дальше. Бумаги были в порядке – но не ее сердце. Кейт вздохнула и потянулась за конвертом, но тут же отдернула руку. «Позже», – пообещала она сама себе и вместо конверта подхватила реферат, сморщив нос от количества красных пометок, указывающих на ошибки, которые ей следовало исправить. Но прежде чем приступить к работе, Кейт обратила внимание на несколько искусных рисунков, сделанных черными чернилами, которые она хранила в специальных прозрачных архивных конвертах, способных защитить документы от сырости и пыли, и которые она не успела убрать обратно в картотечный шкаф.

На одном рисунке были изображены две маленькие девочки, склонившие друг к другу свои смеющиеся головки. На них были одинаковые блузки и юбочки, и у обеих с плеч свисали растрепанные косы. На втором рисунке красовался петушок в задиристой позе. Третий листок

заполнял изящный коллаж из зарисовок цветков розы, колец, ожерелий, гроздей винограда и апельсиновых плодов. Элементы коллажа были так плотно сплетены, что на листе практически не оставалось свободного места. На обратной стороне детскими каракулями был записан рецепт, судя по всему, травяного напитка:

*2 ложки меда
Щепотка листьев чабреца
Молотый перец
Лимонный сок (свежевыжатый)
(Залить кипятком или горячим чаем)*

На последнем листке был рисунок броши или, возможно, пуговицы в виде цветка розы. Края лепестков и середина цветка были усыпаны драгоценными камнями. Понять, какие именно камни пытался изобразить автор, Кейт не могла, так как рисунок был выполнен одними черными чернилами, но по форме украшение на рисунке было похоже на пуговицу Елизаветинской эпохи, с изображениями которых Кейт сталкивалась во время написания своей докторской диссертации. И это были пуговицы из Лондонского музея...

Кейт вернулась к первому рисунку и залюбовалась точными линиями, передающими художавые фигуры девочек и красоту их распущенных косичек. У обеих девочек имелись ямочки на щеках и черные волосы – как у Эсси, Кейт и у всех остальных представителей рода Кирби. Неужели и у Ноя, если бы он выжил, были бы такие же ямочки на пухлых щечках? У нее ныли кости, когда она думала о малыше, который так и не сделал ни одного вдоха. Кейт смахнула слезы ладонями и продолжила внимательно рассматривать рисунок с маленькими девочками.

Кейт нашла эти рисунки среди личных бумаг Эсси в картотечных шкафах, которые достались ей вместе с особняком. Родители Кейт не придавали им большого значения, считая всего лишь мимолетной забавой Эсси, которая набросала их как попало, словно наспех сделанные записи в бухгалтерской книге. (Эсси настояла на том, что сама будет вести бухгалтерию молодой судходной компании, которую они основали с ее мужем.) Родители считали, что рисунки можно и выбросить, но Кейт не смогла с ними расстаться. Ей нравилось воображать, как ее юная прабабушка в свободные от работы минутки рисует на полях, буйные кудри норвят выскочить из-за ушей, рядом дымится чашка с ирландским чаем, а за окном бурлит жизнь на верфях.

Послышался сигнал оповещения о входящей электронной почте. Кейт отложила рисунки и активировала компьютер. Письмо было от Джейн, и, как она и обещала, в нем было несколько вложений. Открывая их одно за другим, Кейт просматривала вырезки из газет от 1914 года, которые возвещали о ювелирной выставке в только что открытом Лондонском музее.

**ВЫСТАВКА АНТИКВАРНЫХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В
ЛОНДОНСКОМ МУЗЕЕ: ТАИНСТВЕННЫЙ КЛАД ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ
ИЛИ ЯКОБИНСКОЙ ЭПОХИ ПОПОЛНИЛ МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ.**

**ЗАГАДОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ: РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА ПО
ЛОНДОНСКОМУ МУЗЕЮ.**

ТАЙНА РАСКРЫТА: ЗАРЫТЫЕ СОКРОВИЩА ЛОНДОНА.

**СОКРОВИЩА В ЦЕНТРЕ ГОРОДА: НЕОБЫЧНАЯ НАХОДКА
РАБОЧИХ.**

Листая вырезки, Кейт поразились ажиотажу в прессе и давке у дверей музея. Закончив с просмотром, она позвонила редактору.

– Привет, Джейн. Я сейчас изучаю статьи о выставке 1914 года. Спасибо, что так оперативно все прислала.

– Замечательно! Видишь, обстоятельства обнаружения клада освещаются весьма туманно.

– А разве драгоценности были найдены не в 1912 году? Странно, что коллекцию обнародовали только через два года.

– Кто знает? Я надеюсь, ты раскопаешь что-то новенькое в этом деле.

Кейт снова начала просматривать присланные материалы и уже забыла, что Джейн все еще на связи.

– Так ты приедешь в Лондон? – послышался голос Джейн в трубке. – Мне нужно знать это уже сейчас...

– Ой! – опомнилась Кейт.

Возможность заняться исследованием происхождения таинственных чипсайдских драгоценностей была, безусловно, заманчива – Кейт в очередной раз взглянула на прабабушкин рисунок то ли броши, то ли пуговицы, – к тому же попутно у нее будет шанс провести свое личное маленькое расследование.

– Хорошо, – решила она. – Я в деле.

– Отлично! – в голосе Джейн слышалось облегчение. – Профессор Райт будет готова проконсультировать тебя и фотографа в понедельник в девять утра. Это устроит?

– Конечно, спасибо. – Кейт собиралась спросить, а кто – фотограф, но Джейн ее опередила.

– Значит, в понедельник в девять утра в Лондонском музее. Пришли мне данные своего паспорта, я поручу ассистенту забронировать тебе билет и отель рядом с музеем. Выбери несколько ключевых направлений и вперед! Я хочу, чтобы ты докопалась до истоков. У тебя месяц на все про все.

– Но, Джейн, до истоков никто...

– Вот именно! Я и хочу, чтобы ты нашла то, что еще никто не знает.

Глава 2

Лондон, наши дни

Почему кто-то зарыл целое ведро драгоценных украшений и не вернулся за ними?

Это все, о чем могла думать Кейт, пока подписывала разнообразные инструкции, предупреждения и страховые формы в исследовательском отделе Лондонского музея.

– Доктор Кирби, вы должны носить этот бейдж все время, пока находитесь здесь, – информировала администратор с деловитостью тюремного надзирателя. – Он дает вам право доступа в смотровую комнату – разумеется, в сопровождении охраны и только сегодня, – затем драгоценности будут возвращены в хранилище. Времени вам хватит?

– Надеюсь. А если вдруг не хватит, вы не дадите мне их на дом?

Администратор предпочла пропустить мимо ушей неуместную шутку Кейт.

– Можете обсудить это с директором. Пожалуйста, спуститесь по служебной лестнице в подвальное помещение. Профессор Райт ждет вас.

– А фотограф? – поинтересовалась Кейт.

– Ваш коллега присоединится к вам чуть позже. Сейчас мы решаем, куда нам пристроить его... снаряжение.

Девушка постучала ручкой по столу с явным раздражением, но это не помогло ей скрыть язвительную ухмылку. Кейт вздохнула, так как сразу поняла, кто выбран фотографом, – сотни раз она видела этот многозначительный взгляд.

– Мистер Браун, – обратилась администратор к охраннику, – пожалуйста, проводите доктора Кирби вниз.

Охранник повел Кейт вниз по служебной лестнице, и они по очереди прикладывали свои бейджи к замкам, чтобы пройти на следующий пролет. Лестница напоминала скорее тюремную, чем музейную, и Кейт понадобилось несколько минут, чтобы ее глаза адаптировались к тусклому освещению.

Спускаясь все ниже, она представляла себе, как за бетонным фундаментом пролегают различные исторические пласты – утварь викингов и шахты с чумными захоронениями. Между ними красное пепелище, оставшееся на месте города после того, как неистовая кельтская королева Боудикка сожгла его. В верхних же слоях покоились развалины от Великого пожара средних веков и Блица двадцатого.

Сегодня вся многовековая история хранилась под зданием Лондонского музея с его разветвленными туннелями, трубами и проводами, соединяющими музей с окружающими его небоскребами. Стоит отдать должное городу, ставшему настоящим королем реновации. На протяжении более чем двух тысячелетий Лондон развивался и защищался, гордо поднимая над головой кулак, как дерзкая Боудикка, – предупреждение для тех, кто пытался его покорить.

Так же строго хранил Лондон свои секреты, по меньшей мере один из которых предстояло открыть Кейт.

– Вот мы и пришли, – сообщил охранник, набрав код на цифровом замке и подтолкнув стальную дверь плечом. – Прошу вас, доктор Кирби.

Кейт вошла в комнату с низким потолком, освещенную флуоресцентными лампами. В одной части располагалась прачечная, в другой – научная лаборатория. По всему помещению шли ряды столов, покрытых кожей и бархатом. Три женщины в лабораторных халатах рассматривали под микроскопами экспонаты, разложенные на войлочных подставках. Некоторые из экспонатов были знакомы Кейт по статьям, что присылала Джейн.

– Доктор Кирби – Кейт! Наконец-то! Добро пожаловать! – из глубины комнаты, раскинув руки, шла элегантная, как всегда, директор музея. – Уверена, с регистрацией у тебя не было проблем.

– Рада видеть тебя, Люсия, – заулыбалась Кейт, ступая в объятия пожилой женщины.

Темные волосы Люсии Райт лишь на висках были подернуты серебряными нитями седины, а подтянутое и гибкое тело, сформированное многолетним марафонским бегом, выглядело почти бесплотным в темно-синем костюме от «Шанель». Кейт на секунду приклонила голову на плечо своей наставницы, окунувшись в аромат жасмина – легкое дуновение лета в стенах стерильной комнаты.

Когда они отстранились друг от друга, Люсия по-матерински провела рукой по щеке Кейт.

– Выглядишь... отлично, – ласково сказала она, и в ее взгляде странным образом переплелись гордость и сострадание.

Кейт перевела взгляд на охранника, который, как ей показалось, был изумлен столь теплым приветствием.

Десять лет назад, когда Кейт готовилась к защите докторской диссертации в Оксфорде по истории Средневековья и Елизаветинской эпохи, профессор Райт была ее научным руководителем, и они сдружились. Именно Люсия порекомендовала новоиспеченного историка частным коллекционерам из Гонконга и Дубая, а также составила протекцию в нескольких профильных изданиях. Всякий раз, когда Люсия приезжала в Штаты, а Кейт в это время была дома в Бостоне, они обязательно встречались. С их последней личной встречи прошло чуть больше четырех лет. Они и предположить не могли в то солнечное утро, наслаждаясь ароматным эспрессо с панини¹, что совсем скоро жизнь Кейт перевернется.

Снова взглянув на Люсию, Кейт сказала:

– Да, я в порядке.

Это была правда, но лишь наполовину, и в горле у Кейт стал образовываться ком.

Она принялась заправлять выбившийся на виске локон обратно в хвост, чтобы хоть как-то отвлечься.

– Когда Джейн позвонила и сказала, что хочет поручить тебе эксклюзивный материал, я очень обрадовалась. Ты заслужила это... – Люсия склонила голову набок и продолжила: – Не подведи, Кейт, – тебя привлекли, потому что твои исследования в этой области самые лучшие. Я знаю, ты сможешь осветить этот материал должным образом.

Кейт справилась с комом в горле и с молчаливой благодарностью посмотрела в глаза своей наставнице, собираясь что-то сказать в ответ, но тут ее внимание привлекла тень на дальней стене комнаты. Кейт перевела взгляд на темноволосую женщину, которая очень старательно пришивала золотую с цветной глазурью цепочку к бархатной подставке.

– Предметы, которые вы запрашивали для исследования, находятся в соседней комнате. Трудно сделать выбор из более чем четырех сотен экспонатов, не так ли? – сказала Люсия, сочувственно улыбаясь. – Боюсь, наш фотограф опаздывает. Он приехал прямо из Хитроу. Охрана на входе решает, куда пристроить его доску для серфинга.

Директор музея раздраженно постукивала левой ступней, поглядывая на часы.

– Я так понимаю, фотограф – Маркус Холт?

Кейт старалась, чтобы ее голос звучал как можно равнодушнее, но Люсия отметила по глазам ее волнение.

– Ты его знаешь? – Люсия встретила взглядом с глазами Кейт, и ее бровь вопросительно вздернулась.

¹ Горячие бутерброды.

Маркус Холт был всемирно известный фотограф, чьи работы украшали обложки всех престижных изданий от «Вог» до «Нэшнл Джеографик».

– Естественно! Джейн познакомила нас пару лет назад на ювелирной выставке в Гонконге. Потом мы несколько раз работали вместе, – сказала Кейт, пожимая плечами. – Он австралиец, – добавила она, как будто это все объясняет.

Теперь обе брови Люсии были приподняты.

– В том смысле, что он очень раскованный.

– Безусловно! – Люсия вновь посмотрела на часы.

– Нет, это помогает ему передать красоту – очарование – в своих работах. Маркус замечает то, что другие пропускают.

– Я не сомневаюсь, что вы обнаружите что-то новое и здесь, в Лондоне, – карие глаза Люсии возбужденно блеснули.

Аккуратные закладки в конце ее блокнота говорили о плотном графике директора.

– Очень надеюсь, что он скоро придет. Через тридцать минут я должна быть на заседании правления, затем весь остаток дня придется убеждать наших основных спонсоров скинуться на новый сайт. Кстати, надеюсь, ты придешь сегодня на вечеринку Гильдии ювелиров?

– Обязательно, – ответила Кейт. – София прислала мне приглашение, как только узнала, что я лечу в Лондон.

За дверью послышалось шуршание, раздался охранный сигнал, затем щелчок открывающегося замка.

– Профессор Райт! Извините за опоздание! – рослый мужчина с перекинутым через плечо черным кофром для фотоаппарата ворвался в комнату.

Он подхватил изящную руку Люсии, и его лицо засияло лучезарной улыбкой. Нечесанные песочные локоны свисали почти до плеч, а темные глаза радостно блестели.

– Я Маркус Холт. Счастлив быть здесь с вами и спасибо огромное за...

– И мы рады видеть вас, – оборвала его тираду Люсия, ее щеки зарделись, она смущенно кашлянула, прочистив горло, и обернулась к Кейт. – Вы, конечно же, знакомы – доктор Кейт Кирби.

– Конечно! Здравствуйте, доктор Кирби! – Маркус повернулся к Кейт и чмокнул в щеку.

Она почувствовала, как его щетина царапнула ее кожу. От него пахло потом и морской водой. Глянув на его мятую льняную рубашку, Кейт не сдержалась:

– Ты что, здесь серфингом занимаешься?

– Не успел. В Хитроу задержали... – улыбка сползла с его лица, глаза виновато опустились. – Эй, мне действительно жаль, что заставил вас ждать.

Маркус сбросил кофр с плеча, поставил его на стол и со словами «Спасибо, приятель» подхватил второй такой же у охранника.

– Позвольте мне представить вам наших сотрудников, – вмешалась Люсия, которой не терпелось перейти к делу.

Она подозвала двух женщин, которых отвлекло от работы шумное появление Маркуса.

– Это Саанви Сингх – реставратор и хранитель экспонатов, – Люсия указала на темно-волосую женщину.

Кейт уже работала с ней и сразу узнала.

– И Гейл Вудс – хранитель отдела средневекового искусства.

Маркус и Кейт обменялись с представленными рукопожатиями.

– В прошлом году я была в Женеве – ваша статья о реставрации средневековой броши была восхитительной, – обратилась Кейт к реставратору. – С тех пор я ее везде цитирую, – добавила с довольной улыбкой. – Надеюсь, вы не будете возражать, если я, пользуясь случаем, поэксплуатирую ваши знания? У меня приготовлен огромный список вопросов.

Саанви слегка смутилась и с готовностью кивнула.

Люсия заулыбалась, глядя на Кейт.

– Похоже, мы не ошиблись в выборе, – сказала она и повернулась к Маркусу: – Джейн уверяла, что вы отлично работаете в паре.

– Безусловно, – заверил Маркус, демонстрируя свою лучезарную улыбку. – По крайней мере, до тех пор, пока я точно исполняю все указания доктора Кирби.

В очередной раз Кейт была поражена его непринужденным поведением и природным обаянием. Ему было комфортно среди известных дизайнеров и их бесценных творений, но с такой же легкостью он общался с учеными или журналистами.

– Итак, мы не можем позволить вам прикасаться ни к одному экспонату, – объявила Люсия. – Я знаю, вы подписали все необходимые инструкции, просто хочу еще раз предупредить.

Кейт кивнула и посмотрела на фотографа.

– Не проблема, – пожал тот плечами.

Когда Люсия набирала код на двери в комнату-хранилище, сердце Кейт учащенно забилося. Кто знает, на пороге каких открытий она сейчас стоит? Когда одни люди смотрят на драгоценный камень или ювелирное украшение, они видят поразительную красоту и самоотверженный труд. Другие – любовь и надежду. Но работа Кейт как ученого состояла в том, чтобы за сиянием и блеском каждой драгоценности разглядеть подлинную историю ее создания – как, а самое главное, почему ее сделали. Именно она должна была восстановить утерянную связь между мастером и последующим обладателем его изделия. Иногда она обнаруживала на этом пути разбитые сердца и предательство. Бывало, и убийства. Это были головоломки, которые она никогда не уставала решать.

Чтобы успокоить сердцебиение, Кейт сделала глубокий вздох, выдохнула и ступила в хранилище. Ее глаза заматались между тремя рядами столов, покрытых бархатом. Она то пробежала взглядом по лентам золотых ожерелий, украшенных цветной глазурью, то проплывала по лужицам сапфира и бирюзы, затем, проскакав по длинным рядам золотых пуговиц и бриллиантовых колец, ее взгляд замер у пьедестала, на котором покоился самый большой изумруд, который ей довелось видеть. Волоски шевельнулись на ее запястье.

– Бум! – воскликнул Маркус, появившись в хранилище со своим фотоаппаратом. – Теперь я понимаю, что чувствовали те люди, когда они нашли клад и первый алмаз блеснул своими гранями, оказавшись на свету. Меня аж до кишок пробрало.

– Меня тоже, – сказала Кейт, опираясь на ближайший стол.

Она стеснялась признаваться, что иногда первый взгляд на знаменитую драгоценность, которую она жаждала увидеть, приносил ей разочарование. Это как встретить Тома Круза и обнаружить, что в реальной жизни он гораздо ниже ростом. Или когда Дэвид Бекхэм вдруг заговорит писклявым голосом. Разве может реальность конкурировать с отретушированной глянцевой картинкой, которую журналы представляют миру?

Но на этот раз разочарования не произошло.

Саанви бросила на Кейт понимающий взгляд и повела гостей к дальнему столу.

– Трудно поверить, что эта коллекция была зарыта в пятнадцатом столетии, – сказала она, указывая на ожерелья, покрытые глазурью. – Они в первозданном виде. Если бы их носили, они бы не сохранились. Глазурь стерлась бы, а золото и камни, скорее всего, продали или отправили на переделку. Если начнем отсюда, я извлеку часть экспонатов, которые вы запрашивали. Остальные находятся в комнате, где мы только что были. Там их обследуют перед тем, как отправить обратно в хранилище. Вот...

Кейт подошла вплотную к краю стола, задрапированного бархатом, направила лампу под нужным углом, достала из сумочки лупу и склонилась над тусклой камеей – византийским кулоном. Каталожное изображение не передавало ни мягких складок мантий, ни покаянного наклона головы.

– Белый сапфир?

– Да. Это святой Фома. А высокая фигура с поднятыми руками – Иисус, предъявляющий доказательства своему апостолу, что он был распят на кресте.

– И воскрес, – продолжила Кейт, борясь со страстным желанием провести пальцем по рельефной фигуре святого Фомы и контурам золотой горы.

Вместо этого она достала блокнот с ручкой и принялась делать записи:

«Неверие апостола Фомы» – самая знаменитая картина Караваджо.

Кейт на мгновение задумалась.

Барельеф из полупрозрачного сапфира навевал на нее нечто глубоко сокровенное и нежное.

На макушке кулона единственная жемчужина – сострадание и упование.

Вера и преданность. Безусловная любовь и надежда.

Что это – талисман, чтобы носить под сердцем?

Кейт представила себе мастерскую византийского ювелира, втиснутую между бесконечными прилавками, с которых идет бойкая торговля брынзой, медовыми лепешками с ароматом лимона, жареными фисташками и всякими сладостями, прямо перед Великим дворцом в Константинополе. А в мастерской гравер тянет шею перед драгоценным камнем, стараясь держать его в лучах света, проникающих через единственное открытое окно. Тонким резцом и крохотным молоточком он прокладывает в камне еле заметные бороздки, обозначая линию волос. Когда рисунок будет закончен, придет черед полировки.

– Кто это там? – спросил Маркус, указывая на каплевидный кулон в дальнем углу стола.

Он уже закончил установку своих штативов и софитов.

– Фома усомнившийся.

– Нас всех не миновала чаша сия, – сострил Маркус, вкручивая в камеру широкоформатный объектив.

Он направил софиты на украшения, и тень легла на его лицо, обозначив морщины напряжения под глазами и на лбу.

Кейт вернулась к своим мыслям. Она снова написала в блокноте «Фома усомнившийся» и обвела надпись кругом.

Сомнения никогда не покидали ее. Каждый день в своих статьях и эссе она задавалась вопросом: «А что, если?» «Вопросы прошлого поглощают всю твою жизнь», – сказал ее бывший муж – Джонатан, когда два года назад уезжал в Новую Зеландию. Он выбрал другой путь к исцелению, и, очевидно, Кейт не вписывалась в пейзажи первозданных гор и нескончаемой рыбалки.

– Кейт, – заявил он со всей прямоотой, свойственной хирургам, – ты проводишь все свое время, мотаясь по миру в поисках разгадок чужих тайн. А когда ты дома, то запираешься в своей библиотеке, чтобы барахтаться в прошлом, разглядывая богатства других людей. Когда собираешься взглянуть на настоящее?

Джонатан никогда бы не смог понять, какое наслаждение часами просиживать за книгами и архивными документами, изучая драгоценности, которые нашептывали ей секреты давних времен.

На противоположном столе лежали три камеи в виде кулонов: флорентийский портрет, королева Елизавета с испанской армадой и замысловатая резьба на тему басни Эзопа «Собака и тень». Они свидетельствовали о Лондоне семнадцатого столетия. Городе, куда стекались эмигранты, странствующие мастера и народные умельцы. Они пересекали океаны, проходили по

шелковым путям, привозя с собой деревянные сундуки и выючные тюки, набитые специями, семенами и золотом.

– Кейт? – позвал Маркус, настроивший наконец-то свою аппаратуру.

Он стоял перед столом с подборкой изумрудных украшений, которые притягивали взгляд своим блеском, как шеренга эстрадных танцовщиц.

Часы с корпусом из крупного изумруда, изумрудная брошь в виде саламандры и изумрудная камея с барельефом попугая. Саанви, у которой на руках были перчатки, взяла саламандру и поднесла ее под свет одного из прожекторов. Фигурка земноводного существа была выложена из мелких изумрудов в золотой оправе, спаянных вместе. Кейт хотелось бы коснуться пальцами крошечной пасти саламандры, обозначенной черной эмалью, она была почти уверена, что почувствует присутствие зубов. На обратной стороне броши обнаружились две изогнутые заколки для закрепления украшения на шляпе, кроме этого на белом брюшке виднелись многочисленные крапинки черной эмали, которые выглядели как крохотные волоски.

– Мистическое существо, вышедшее из огня, – Саламандра, – напомнила Саанви.

Кейт, разглядывая украшение, склонила голову набок. Это был один из знаковых экспонатов всей коллекции, ему было пятьсот лет, но Кейт пока еще не знала, как он может ей помочь. Брошь как будто хотела ей что-то сказать... Но что?

Маркус указал на изумрудные часы в виде шестигранника и размером с детский кулак.

– Я сначала сфотографирую вот это, – объявил он. – Я никогда не видел такой большой изумруд. Колумбийский?

Саанви кивнула.

– Мусо. Не верится, что камень не раскололся, когда из него вырезали место для часового механизма. Мы думаем, что части часов изготовили и собрали в Женеве.

При взгляде на часы у Кейт перехватило дыхание. В них воплотилось то самое захватывающее и дерзновенное единение мастерства ремесленника с воображением творца, какое, вероятно, ей еще не доводилось видеть в своей жизни. Если кто-нибудь снова спросит ее, почему она работает историком ювелирного искусства, она просто укажет на эти восхитительные часы в изумрудном корпусе. Она переписала точные размеры часов из каталога Саанви, а затем наметила несколько вопросов для себя.

Был ли ограничен изумруд в Лондоне? Через какие города мог пролегать его путь в Англию? Принадлежал королевской особе или богатому аристократу?

Следующим экспонатом была серия финифтевых пуговиц, украшенных драгоценными камнями, и вместе с ними нескольких ожерелий с цветами из глазури – розами, колокольчиками и фиалками.

Внимание Кейт привлекли четыре пуговицы, собранные в отдельную бархатную коробочку. Она убедилась, что Маркус и Саанви заняты подготовкой съемок изумрудных часов, что давало ей возможность уделить немного времени личным интересам, не мешая работе других. Пока фотограф отошел к своей сумке, чтобы подобрать другой объектив, Кейт достала из своего альбома прозрачный конверт с рисунками Эсси и положила рядом с четырьмя пуговицами.

– Откуда у тебя этот рисунок? – спросил Маркус, оказавшись позади Кейт. – На нем точно такая же пуговица, да?

Кейт вздрогнула от неожиданности и, обернувшись, приложила указательный палец к губам, глядя в удивленные глаза Маркуса.

Кейт потратила годы, чтобы получить доступ в музей к этим пуговицам, и тут оказалось, что рисованная пуговица действительно похожа на те, что лежат перед ней.

Эсси – или тот, кто нарисовал это для нее – точно запечатлела образ. И дух. Кейт представила, как цепочка таких прелестниц тянется вдоль спины чопорного платья Елизаветинской

эпохи или как они прочно держат развевающийся на ветру плащ джентльмена, скачущего галопом на лошади. Ее прабабушка могла увидеть такую пуговицу где угодно. Не было никаких оснований считать, что рисунок Эсси сделан с пуговицы, найденной на Чипсайде.

Глаза Маркуса заметались между Саанви, которая готовила экспонат к съемке, и Кейт. Затем он задержал дыхание и одними губами проговорил: «Извини».

Кейт пожала плечами и убрала конверт с рисунком обратно в блокнот, надеясь, что он поймет намек.

Когда Маркус отошел и Кейт снова осталась наедине с пуговицами, она решила, что совпадение рисунка с настоящими ничего не доказывает. Просто похожие, вот и все.

Взглянув на изумрудные часы, Кейт вдруг подумала об Эсси. Ее прабабушка, как все ирландки, обладала даром рассказчицы, и она пела Кейт перед сном необыкновенные песенки, в которых главными героями были гномы и королевы фей. С каждой ложкой колканнона² она потчевала своих внуков преданиями и разными историями. Но для Кейт самым любимым был рассказ о таинственном человеке, который очаровал Эсси своими изумрудными глазами, когда она встретила его на Чипсайде.

² Колканнон – традиционное ирландское блюдо, готовится из картофельного пюре и капусты.

Глава 3

Эстер Мёрфи

Лондон, июнь 1912 г.

Драгоценности были обнаружены в тот же день, когда Эсси Мёрфи влюбилась. За оба эти события она должна была благодарить своего брата. Спустя годы Эсси часто задавалась вопросом, какое из них случилось первым?

Закопанное ведро с драгоценностями.

Мужчина с изумрудными глазами.

Эта история со временем станет частью ее ирландского фольклора, как легенда Мидира и Этайн. Отшлифованная и отполированная, без острых граней бед, предательства и утрат. Никто и не заподозрит, что в реальности присутствовали в равной степени и трагедия, и романтика.

В то роковое утро Эсси вышла на улицу и осторожно закрыла за собой входную дверь, молясь, чтобы их мать не протрезвела и как можно дольше оставалась в кровати.

Фредди ушел еще на рассвете – пеший путь до работы был неблизок. А Эсси, прежде чем самой отправиться на работу, нужно было отвести сестер в школу. У нее за спиной хихикали близняшки – Флора и Мегги. Они уселись на крыльце, а Герти, сестра постарше, склонилась перед ними, чтобы завязать им шнурки на ботинках. Она хватала их за тощие лодыжки, приговаривая:

– Прекратите вертеться, или я свяжу ваши шнурки друг с дружкой. Тогда посмотрим, куда вы так уйдете!

Девочки приподняли подолы своих сарафанов, подставляя мальчишечьи ботинки на несколько размеров больше, чем требовалось.

Герти еще раз резко дернула за ногу Мегги, которая все никак не могла успокоиться.

– Последний раз предупреждаю! – выкрикнула она, сверкая голубыми глазами.

Эсси сокрушенно вздохнула, наблюдая, как Мегги запустила палец в дыру на своих черных шерстяных чулках и принялась шевелить им, изображая червячка. Прикрыв рот ладонью, Мегги захихикала, но вскоре ее смех сменил сухой кашель. Эсси наклонилась и похлопала ее по спине, пытаясь унять кашель. Сквозь тонкую ткань сарафана она ощутила детскую худобу, и это ее сильно встревожило. Косы девочек все еще пахли сарсапарелью – перед сном Эсси втирала в головы близняшек масло Рэнкина, пытаясь вывести вшей, иначе девочки чесались всю ночь напролет.

Герти подняла потеплевший взгляд, но, встретившись с глазами Эсси, сглотнула и отвернулась, пробормотав:

– Опять, черт возьми...

– Герти, хватит! – попыталась быть строгой Эсси.

В доме снова ничего не осталось на завтрак. Мама скормила курам последние остатки хлебных корок, но они были так голодны, что неслись лишь через день. И поэтому все обитатели квартирки на Саутуарк-Гарден начинали свой день с пустым желудком. В очередной раз.

– Девочки, вставайте, – голос Герти звучал слишком устало для своих четырнадцати лет. – А теперь каждая возьмет меня за руку.

– Спой нам, Герти, – попросила Флора.

– Пожалуйста, – поддержала ее Мегги.

Троица выскочила на тротуар, и Герти начала напевать народную песню «Колканнон», в которой говорилось о картофельном пюре на сливочном масле, перемешанном с разной зеле-

ню, луком и капустой. Эсси закатила глаза. Разрешить Герти есть о еде, которую они не могли себе позволить!

– Ну, право, Герти, – вмешалась она. – Я не думаю, что...

Но пение Герти подхватили близнецы. Громко фальшивя, они семенили рядом с Герти, стараясь не отставать и спотыкаясь на каждом шагу в своих не по размеру больших ботинках. Со стороны они были похожи на подвыпивших морячков.

Или на свою мать в любой день недели.

Эсси постаралась подавить всколыхнувшееся в ней возмущение и накопившуюся злость. Мама не всегда была такой, и ей не хотелось, чтобы девочки росли, ненавидя свою мать.

На каждый Хеллоуин мама брала свой любимый горшочек и смешивала в нем порцию сдобренного маслом картофельного пюре с беконом и зеленью, и подсовывала туда монетку, пуговицу и золотое колечко. В миску Герти всегда попадала пуговица, и папа, щекоча ей животик, заявлял, что во всей Ирландии не найдется мужчины, достойного его дочурки.

Эсси шла по тротуару, пытаясь вспомнить, когда же в последний раз мама смешивала в своем горшочке картофельное пюре с зеленым луком, молоком, перцем и беконом.

С тех пор как они переехали жить в Лондон – ни разу. И уж точно она не прикасалась к горшку с тех пор, как папа ушел на войну с бурами и больше не вернулся.

– «Ну а ты когда-нибудь в школу брал пирог с картошкой...» – распевали сестры, двигаясь вприпрыжку впереди Эсси, а ей пришлось отступить с тротуара, чтобы пропустить сгорбленного мужчину, толкающего перед собой тележку, доверху нагруженную береговыми улитками.

Торговец рыбой, мистер Фостер, приветственно приподнял шляпу и закатал рукава, чтобы добавить несколько тушек серебряной камбалы к внушительной кучке, уже выложенной на деревянном подносе, и за все – один шиллинг. Рядом с подносом на прилавке теснились тарелки с пикшей, хеком и сельдью. За прилавком стояла полка, которая ломилась от разных маринадов и солений. Всего за пенни вы могли присовокупить их к своему рыбному заказу.

Папа любил устраивать рыбный день в пятницу.

– Не забудьте погасить ваш долг до пятницы. Иначе больше ничего не получите, – погрозил пальцем мистер Фостер Эсси, когда она проходила мимо, спеша за сестрами.

Эсси схватила Герти за рукав и повела девочек через дорогу, чтобы избежать встречи с кондитером, стоявшим на углу в своем грязном черном халате с деревянным подносом на голове. И хотя поднос был целиком накрыт зеленым сукном, исходившие от него запахи свежее выпеченного теста, масла и корицы переполняли пыльный уличный воздух.

Одна из одноклассниц Герти подбежала к кондитеру, он снял поднос с головы, прижал к бедру и так держал, пока девочка, откинув сукно, потратила некоторое время на выбор и наконец схватила пышку обеими руками. Когда она поднесла ее ко рту, Эсси отвернулась.

Они подошли к школьным воротам. На игровой площадке кричали мальчишки, гоня палками металлические обручи. Девочки, разбившись на группы, прыгали, смеялись и визжали. Длинные юбки скрывали их тощие ножки.

Эсси наблюдала, как близнецы изо всех сил стараются выглядеть выше и стройнее. Лишь подергивание левого глаза Флоры выдавало, что ее рахитично кривые ноги причиняют ей боль. Лицо Мегги же было практически неподвижным. Обе они выглядели настолько бледными, что казалось, их лица высечены из мрамора. Эсси решила, что обязательно устроится еще на одну работу – любую, какую найдет, – девочки нуждались в хорошей пище, а еще в поддерживающих скобах для ног.

На их пути возник директор школы – мистер Мортон – со своим ведерком и списком учеников. Каждый ребенок один раз в неделю должен был бросить в ведерко три пенса, когда он проходил через ворота школы.

Эсси выступила вперед своих сестер.

– У меня нет денег. Но я сейчас иду на работу и завтра обязательно заплачу.

– Помнится, вы говорили то же самое на прошлой неделе, – язвительно отозвался директор. – Учтите, это последнее предупреждение, мисс Мёрфи. Если вы не начнете платить вовремя, мне ничего не останется, как отчислить всех троих. В любом случае, сейчас они будут наказаны в обычном порядке. И будут получать наказание и впредь, пока вы не погасите весь ваш долг.

У Эсси вспыхнули щеки, и она почувствовала, как Герти у нее за спиной нетерпеливо переступает с ноги на ногу, словно рассердившаяся лошадь.

– Пожалуйста, мистер... – начала было Эсси, но вперед выступила Герти и отстранила сестру локтем, пропуская Флору и Мегги.

– Иди на работу, Эс, – прошептала она. – У нас с мистером Божественное Ве-ли-ко-ду-шие все будет хорошо.

– Нет, я... – Эсси запнулась, пытаясь сдержать навернувшиеся слезы.

– Эсси, тебе надо идти, – сказала Герти, на этот раз уже громко и таким же авторитетным тоном, как и ее директор.

– Очень хорошо, – подтвердил тот.

Эсси вытащила из корзинки три бутылочки с чаем и, протягивая их сестрам, прошептала:

– Мне так жаль...

Флора подмигнула старшей сестре, подошла к мистеру Мортону, закинула косичку за спину и поставила свою бутылочку – обед – себе под ноги. Выпрямившись, она вытянула обе руки ладонями вверх, показывая, что готова получать наказание.

Мегги робко сделала то же самое, встав плечом к плечу со своей сестрой. Затем к ним присоединилась Герти, с дерзко поднятым подбородком и пылающими щеками.

Эсси попыталась было уйти, но ее ноги словно налились свинцом. Все, что она могла сейчас сделать, так это сдерживать себя, чтобы не броситься к своим сестрам и не забрать их обратно домой. Во-первых, ей нужно было идти на работу, а во-вторых, в школе девочкам было безопаснее, чем дома.

Газетные стенды пестрели заголовками о введении бесплатного образования и проживания для всех детей, но в их районе – на южном берегу реки – это не работало. Мисс Барнс – добрейшая учительница Герти – говорила Эсси, что, если верить слухам, это будет еще не скоро. И все же мисс Барнс хотела, чтобы Герти окончила школу и поступила в колледж.

Мама и слышать об этом не хотела.

– Для нее достаточно фабрики или какой-нибудь мастерской, – ворчала она. – Не забивай ей голову всякими фантазиями, Эстер. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Но вечером, как только голова Эсси касалась подушки, ее переполняли фантазии. Пока ее кости ныли от усталости, а под боком кашляли, сопели и чесались ее сестры, она мечтала о том, чтобы у них были свои собственные кровати. Новые ботинки и пальто на зиму. Но больше всего она хотела, чтобы они закончили школу и их жизнь сложилась совсем по-другому, чем ее.

И сейчас Эсси смотрела на своих сестер, которые выстроились в ожидании наказания от своего директора, которого они вовсе не заслужили.

Мистер Мортон достал свой короткий хлыст, и Мегги поморщилась. Флора слегка качнулась в сторону, будто у нее подкосились колени. Раздался резкий свист, затем шлепок – хлыст ударил по рукам Мегги. Будучи более хрупкой и болезненной, чем Флора, Мегги всхлипнула и кашлянула, когда хлыст просвистел во второй раз и ударил снова. Она кашляла все сильнее, а директор, раскрасневшись, нанес еще два удара, один сильнее другого.

Флора заметно задрожала, когда подошла ее очередь. Эсси уловила взгляд Герти, которая смотрела на нее поверх голов своих младших сестер. Она вздернула подбородок еще выше, ее глаза полыхали гневом, в которых ясно читалось – уходи!

Беспомощная и униженная, Эсси заставила себя сделать то, что от нее требовали, – круто повернулась на каблуках и поспешила на работу.

Глава 4

Эсси уже три часа сидела за своей машинкой, подшивая партию мужских вечерних манишек, когда подошла старая миссис Рубен и постучала своими исцарапанными костлявыми пальцами по приставному столику.

– Достаточно, мисс Мёрфи.

Эсси убрала ноги с педалей машинки, но шум в ушах не утих. На этом этаже фабрики работали еще пятьдесят швей.

– Ты мне нужна для доставки. Это срочно, – продолжила миссис Рубен, указывая рукой на соседний стол. – И возьми с собой мисс Дэвис.

– Это мисс Эйвери, мэм. Мисс Дэвис ушла на прошлой неделе.

Миссис Рубен побагровела, но худенькая девушка с пышными локонами, постоянно выбивавшимися из-под сетки для волос, шла напролом, не обращая внимание на гнев начальницы.

– Ту-бер-ку-лез, мэм. Вспомни... те... – Эсси запнулась и замолчала.

– Я в курсе сложившейся ситуации. И буду признательна, если вы больше не станете поднимать эту тему, – миссис Рубен выпрямила свое дюжее тело и пристально посмотрела на Эсси. – Мне нужно, чтобы вы обе доставили это в компанию «Голдсмит» на Фостер-лейн рядом с Чипсайд, – она подкатила к Эсси стеллаж, на котором были выложены черный фрак, белоснежные галстуки-бабочки, жилетки, полдюжины жестко накрахмаленных манишек и воротничков. – Автомобиль мистера Рубена с водителем ждет вас на улице. Домой доберетесь самостоятельно. А теперь убирайтесь. И не придумывайте всяких небылиц. Клиент – друг мистера Рубена, он приехал из Антверпена, и ему нужен смокинг для ужина. И еще, мисс Мёрфи...

– Да, мэм?

– Там вы получите два пенни за услугу. Не позорьте фирму. Чтобы никаких складок и помятости.

Последние слова она прокричала, стараясь перекрыть непрекращающийся шум машин.

– Не расстраивайте меня.

Девушки покатили стеллаж к лестнице и стали медленно спускать его с шестого этажа, отдыхая после каждого пролета. Судя по болтающимся рукавам и подколлотом поясе на юбке мисс Эйвери, завтраки у нее в доме были столь же скудные, как и у Мёрфи.

– Я Эсси.

– Бриджит, – отдышавшись, ответила девушка, когда они выкатили стеллаж из здания фабрики к поджидавшей их машине.

Девушки с предельной осторожностью уложили вещи посередине заднего сиденья автомобиля, и пока водитель услужливо придерживал дверцу открытой, сами разместились рядом, ощупывая лоснящуюся кожаную обивку. Эсси никогда не ездила на автомобилях, и, судя по округлившимся глазам Бриджит, ей тоже не доводилось.

Девушки были слишком взволнованы для разговоров, поэтому они сидели не шелохнувшись, в своих заплатанных рабочих фартуках и сбитых ботинках, и наблюдали, как автомобиль отъезжает от здания фабрики, лавируя между другими автомобилями и гужевыми повозками, нагруженными деревянными бочками, рядом с которыми ютились уставшие и грязные чернорабочие.

Эсси подумала о своем брате Фредди, который еще до восхода солнца уехал вот на такой же повозке, вооруженный киркой, чтобы работать вместе со своей бригадой. И на обед у него имеется лишь бутылочка с чаем. Но ведь она будет совсем недалеко от Чипсайда и, возможно, на обратном пути сможет заскочить к нему с какой-нибудь едой. Возьмет да потратит немного из чаевых...

– Эсси, – Бриджит коснулась руки Эсси, рассеяв ее грезы. – Смотри!

Толпа женщин окружила их автомобиль, и водителю пришлось ударить по тормозам. Женщины были одеты в белые платья и широкополые шляпы. У одних на шляпах развевались зеленые и фиолетовые ленты, у других – такими же лентами были опоясаны талии. Платья сужались книзу, и Эсси, с уколом зависти, отметила, что у большинства женщин были прекрасные чулки и туфли на новомодном французском каблуке. «Каково это – иметь лишнюю пару чистой одежды и шелковые чулки?» – размышляла Эсси, невольно пряча свои мозолистые руки под грубый фартук.

Водитель выругался себе под нос и проворчал:

– Чертовы суфразжистки. Запрудили всю дорогу. Засадить их за решетку, всех.

Несколько женщин несли на себе по два плаката, связанные веревками и перекинутые через плечи. Плакаты гласили: ПРАВО ГОЛОСА ДЛЯ ЖЕНЩИН.

– А что они хотят? – прошептала Бриджит, покраснев от смущения.

Эсси прочитала плакат, который висел на рядом стоящей женщине.

– Они приглашают нас на шествие. В эту пятницу вечером в пять тридцать в Найтсбридже.

– Нас? В Найтсбридж? – поправляя сеточку на волосах, захихикала Бриджит. – Не думаю, что им нужны такие, как мы, правда ведь?

Эсси пожалала плечами. Даже если бы она захотела присоединиться к шествию, ей нужно было сначала натаскать угля, приготовить ужин, отмыть младших сестер, потравить у них вшей, перестирать их одежду для следующей недели и высушить ее над печкой.

Все пятничные вечера для Эсси были таковыми. Единственным светлым моментом станет, возможно, кусочек макрели вместо брюквенного супа, если, конечно, старик Фостер продлит кредит до следующей недели.

Водитель нажал на клаксон, когда женщины пошли впереди машины, взявшись за руки и скандируя: ПРАВО ГОЛОСА ДЛЯ ЖЕНЩИН!

Кто были эти ухоженные женщины, у которых есть время на уличные протесты? Они нигде не работают, не ведут домашнего хозяйства, решила Эсси, окинув быстрым взглядом их руки, облаченные в элегантные перчатки. В конце улицы показалась шеренга конных полицейских верхом на черных клайдсдейльских лошадях. Женщины в белых платьях стали сбиваться в круг, как на маслобойне.

Над ними возвышался величественный Монумент Кристофера Рена, воздвигнутый в память о Великом пожаре. На его вершине сияла на солнце позолоченная урна. Эсси каждый день проходила мимо него по дороге на работу и обратно. Она частенько останавливалась, чтобы полюбоваться фризом на постаменте колонны. На нем Лондон был изображен в виде обнаженной женщины, бессильно возлежащей на пепелище. Вокруг нее собралась толпа – епископы, король, архитекторы и солдаты, которые помогали подняться ей на ноги. Женщина-Лондон выглядела утомленной. Подавленной. Слишком много рук прикасалось к ней и тянуло в разные стороны.

Эсси знала, каково это, когда от тебя постоянно чего-то ждут. Полностью зависят от тебя.

Она слышала, что этот сюжет олицетворяет мощь Лондона. Женщина-Лондон оправится, возьмет себя в руки и снова будет сражаться. Но от скорбного выражения ее лица – так много рук тянутся к ней, хватают за плечи, подталкивают – у Эсси перехватывало дыхание.

* * *

– С угрем, спасибо, сэр, – Эсси протянула свои драгоценные два пенса торговцу пирогами и постаралась игнорировать приступ голода, пока тот заворачивал пирог в газету.

Она положила сверток в карман передника и почувствовала приятную тяжесть возле ноги.

– Надеюсь, твой брат понимает, как ему повезло с сестрой, – отметила Бриджит. – Эх, хорошо бы пойти домой прямо сейчас. Уже середина дня... пока вернусь на работу, домой попаду далеко затемно. Мои дети сейчас с мамой, она приболела, но скоро совсем поправится. Кто ж знал, что этот господин так долго будет выбирать себе манишку! А знаешь, на этих колоннах в здании «Голдсмит» золота, наверное, больше, чем во всех регалиях для коронации.

– Ты иди домой, – сказала ей Эсси, думая, что если бы у нее были еще два пенса, она бы купила пирог и своей новой тощей подружке. – Я скажу миссис Рубен, что это моя вина.

– Но она же урежет тебе зарплату...

– Цыц. Иди давай.

Бриджит одними губами сказала спасибо, крепко сжимая в кулаке свои два пенса. Она не положила монетку в карман, боясь ее потерять. Вероятно, уже ближе к дому бедняжка купит немного картофеля, брюквы, а может, и кусочек лосося. Это для ее детей. И для больной матери. Но этого хватит лишь ненадолго...

Эсси шла по улице Чипсайд и осматривала места, где сносили здания, стараясь расслышать характерный звон кирки, обрушивающейся на камень или кирпич. Наконец она добралась до участка Фредди и была поражена, что за прошедшую неделю они снесли почти все стены и перекрытия целого ряда старых лавок, остался лишь один подвал.

Фредди был без рубашки, в глаза бросались торчащие ребра и мускулистые руки. Его лучший друг Денни выглядел так же, только вместо темной шевелюры Мёрфи у него были рыжие лохмы. Рядом с ними копошился целый рой чернорабочих в разномастных залатанных спецовках, разодранных рубашках, затасканных жилетках, у всех были грязные сапоги. И все они, склонившись, ковырялись своими кирками и лопатами в кучах земли и щебня.

– Перерыв! – громогласно объявил бригадир, стоя на пороге подвала, всего в нескольких футах от Эсси.

Прокатился всеобщий вздох облегчения. Рабочие побросали свои инструменты и теперь пытались выпрямить спины, затекшие от многочасового тяжелого труда.

Эсси скользнула взглядом мимо бригадира, приметив его густые темные волосы и зеленые глаза. Он вынул из кармашка элегантного жилета часы и демонстративно посмотрел на время, поставив циферблат к свету.

Фредди помахал рукой и подошел к сестре. Денни подхватил старое жестяное ведро, почистил и, перевернув вверх дном, поставил рядом с Эсси.

– Садитесь, мисс Эсси.

– Спасибо, Денни, – поблагодарила Эсси, заметив, как покраснели его уши.

Она достала из кармана вожделенный сверток и протянула его Фредди.

– Обед – индивидуальная доставка, – пошутила Эсси.

Фредди заулыбался, подхватил сверток, положил на колени, осторожно развернул газету и аккуратно разрезал пирог на три равные части своим складным ножом. Когда он протянул один кусок Эсси, она покачала головой.

– Эс, ты тоже вкальвала, как и мы.

– Ребята, поделите его между собой. Я куплю еще по дороге домой.

Все трое знали, что ничего она не купит, и Фредди, скорчив страдальческую гримасу, усталился на оставшийся кусок пирога, разрываясь между звериным желанием проглотить его и чувством справедливости, требующим оставить кусок младшей сестре.

– Никаких свиданий на рабочем месте, Мёрфи. И не важно, что это перерыв. Ты же знаешь правила, – грянул голос за спиной у Эсси.

От неожиданности она подскочила, опрокинув ведро. Позади нее, уперев руки в бока, стоял бригадир. Вблизи он оказался моложе, чем показалось Эсси. Примерно на год или два

старше ее брата. Темные волосы были тщательно уложены, а по носу пробежала дорожка темных веснушек.

– Извините, сэр. Я сестра Фредди. Это моя вина. Он не знал, что я приду. Я решила угостить его пирогом.

– Пирог! – повторил бригадир с озадаченным видом. – Вот не взял бы тебя, Мёрфи, и не пришлось бы сестре бегать по твоим поручениям, – сказал он, строго посмотрев на Фредди.

– Извиняюсь, сэр, – пробормотал тот.

– Возвращайтесь к работе, все!

– Но, сэр, ведь обед только... – начал было протестовать Денни.

– Я так понимаю, тебе завтра нужна будет работа, О'Брайн?

– Да, сэр.

– Тогда пошевеливайся. Ты тоже, Мёрфи.

Рабочие поднялись со своих мест и один за другим потянулись к подвалу. Эсси слышала, как они чертыхались и бубнили себе под нос. Естественно, слышал их и бригадир. Но когда он повернулся к ней, на лице его сияла широкая улыбка. Он не разглядывал ее поношенный передник и не таращился на слишком большие ботинки, а просто протянул руку и вежливо представился:

– Я Эдвард Хэплстоун.

Он кивнул головой в сторону, где Фредди и другие работяги снова замахали кирками:

– Извините, если я был слишком груб. Просто на меня тоже давят, чтобы мы побыстрее закончили этот объект и приступили к следующему. Мы отстаем на несколько недель, понимаете?

– Эстер Мёрфи, – ответила Эсси, вкладывая свою маленькую ладонь в широкую пятерню бригадира.

Почувствовав тепло его прикосновения, она слегка приподняла подбородок, как, ей представлялось, подобает настоящей леди.

Он улыбался – легко и непринужденно, и она увидела, как улыбка осветила все его лицо до самых глаз. Они стояли молча, изучая друг друга на протяжении всего нескольких сердечных тактов, как вдруг очарование было нарушено.

– Сэр! Сэр! – послышался крик Денни.

– В чем дело? – отозвался Эдвард, явно раздосадованный тем, что его оторвали.

Эсси отстранилась в сторону, чтобы увидеть Денни, который взывал к своему бригадиру из подвальной ямы и махал руками. Стоящий рядом Фредди бросил кирку, наклонился и выковырял из земли ком грязи размером больше, чем его голова.

Эсси судорожно сглотнула и часто заморгала, не веря тому, что она видела. Фредди поднял находку над головой, а из грязи, словно капли дождя, сыпались золотые цепочки, крупные камни зеленого цвета, камеи, град пуговиц и колец, россыпь сверкающих цветных драгоценных камней и еще нечто, издали казавшееся маленькими серебряными ювелирными крючочками.

Остальные рабочие побросали свои кирки и лопаты и обступили Фредди. Они потирали руки, тянули шеи, толкались, чтобы стать поближе, и обменивались впечатлениями:

– Зеленый камень размером с мой кулак!

– Ожерелье, длинное какое! С твою руку.

– Похоже на флакон с духами.

– Клянусь жизнью – это брильянты! Целая куча!

Вскоре поднялся настоящий гвалт, рабочие, подхватив свой инструмент, бросились ковырять земляной пол бывшего подвала, отбрасывая в стороны строительный мусор. Мистер Хэплстоун, засучив рукава, присел на корточки у края подвальной ямы и криком пытался

остановить их. В какой-то момент он поднял голову и сквозь прищур посмотрел туда, где стояла Эсси. Он поднял руку и улыбнулся ей.

Но что это означало – дружеский жест или указание уйти? Эсси подняла руку и помахала в ответ, и тут же заметила, что Фредди и Денни смотрят на нее. Фредди нахмурившись, а Денни слегка опечаленно.

– Тебе пора, Эс, – крикнул Фредди, заслонив собой Хэплстоуна. – Тебе придется забрать девочек из школы. Парни немного...

Он не успел договорить, как Эсси получила удар по голове от разодравшихся за ее спиной двух работяг.

– Эй! Здесь леди! – закричал Денни, подскакивая.

Он попытался разнять драчунов, но они не обращали на него никакого внимания.

– А ну отдай мне! Я первый увидел!

– Жаль, что твоя жирная рука не успела все заграбастать!

Эта парочка хамов походила на близняшек, когда те начинали драться за папины награды, сидя на полу и скрестив ноги.

Денни предложил принести для Эсси тряпку, смоченную в холодной воде, и усадить ее где-нибудь в стороне, но она заверила, что с ней все в порядке, попрощалась и пошла вдоль Чипсайда. Потирая затылок, где образовалась шишка чуть ли не с куриное яйцо, она обернулась и посмотрела на Денни, который все еще глядел ей вслед. Она улыбнулась ему и перевела взгляд на Хэплстоуна, который теперь стоял в яме по колено глубиной. Его темные кудри ниспадали поверх воротничка, а подвернутые рукава позволяли видеть крепкие, мускулистые руки. Он не заметил, как она ушла.

Глава 5

Кейт

Лондон, наши дни

Урчание в животе заставило Кейт посмотреть на часы – 15:30. Весь день без перерыва она делала записи, беседуя с Саанви и Гейл, пока Маркус корпел над каждым кадром.

Время визита подходило к концу – их пропуск действовал до 16:00, но она хотела успеть осмотреть еще пару экспонатов.

На столе слева от нее был выставлен золотой помандер, или это был флакон для духов, усыпанный алмазами, рубинами, изумрудами, сапфирами и шпинелями. Кейт представлялось, как лондонская аристократка держит под носом этот флакон, вдыхая запах амбры, гвоздичного масла и корицы, чтобы перебить зловоние разлагающихся зачумленных трупов, пока ее карета мчится по городским улицам.

И наконец, последний экспонат, покоящийся на своем пьедестале, практически незаметный – крошечное кольцо с одиночным алмазом – солитер.

Бриллиант был вставлен в золотую оправу, а сам золотой ободок покрыт белой глазурью. Кольцо было таким простым. И таким крошечным. Что оно символизировало – траур или любовь?

Кольцо так поразило Кейт, что она вдруг подумала, если бы ей довелось самой выбирать обручальное кольцо, то она хотела бы точно такое. Кейт судорожно сглотнула, почувствовав сухость во рту и легкое головокружение, – нахлынувшие воспоминания о Джонатане вкупе с духотой в тесном помещении совершенно сбили ее с рабочего настроения. Она вновь ощутила запах льняного масла и дубовой стружки в волосах Джонатана, вспоминая, как он закончил полировать и установил последние шкафчики кухонного гарнитура в ее особняке, а затем усадил ее на столешницу и сделал ей предложение. Эти теплые глаза и озорная улыбка...

Кейт приняла предложение, но втайне она была огорчена, что Джонатан сделал его без кольца. Оказалось, что мечтательная девочка, любившая проводить время за туалетным столиком прабабушки Эсси, примеряя бисерные ожерелья и разноцветные серьги, не исчезла полностью под костюмами индивидуального пошива и шелковыми блузками.

Должно быть, Джонатан уловил это тайное огорчение на ее лице и заметно смутился, но кто бы стал осуждать за это?

– Но я думал, что ты точно знаешь, чего хочешь. Поэтому я не...

Она прервала его бормотания долгим, неторопливым поцелуем. Притянув Джонатана к себе, она сорвала с него рубашку, осыпав их обоих душистыми опилками.

Кейт глубоко вздохнула.

Она отступила от стола с кольцом и постаралась сморгнуть выступившие слезы. Ей показалось, что грубый свет флуоресцентных ламп выставил напоказ ее личное горе. Перед отъездом в Лондон она успела подписать документы для развода, но еще не отправила их обратно адвокату Джонатана.

– Ты в порядке? – спросил Маркус, оторвавшись от созерцания изумрудных часов, вокруг которых он пытался расставить свои софиты и светоотражатели.

Подождала Саанви и, как бы поддерживая, взяла Кейт за руку. Смутившись, Кейт пожалала плечами и солгала:

– Смена часовых поясов. Извините!

Маркус внимательно посмотрел на нее, озабоченно нахмутив брови.

– Мы можем закончить на сегодня, если хочешь.

– Да я в порядке, четное слово. Не хочу ничего упустить... – подступив к столу, она снова осмотрела камеи, саламандру, изумрудные часы... помандер.

С чего же начать?

Каждая история нуждается в хорошей интриге. Изумрудные часы казались очевидным выбором, но взор Кейт притягивало это маленькое черно-белое кольцо. Его простота зацепила ее. Следуя кивку Кейт, Саанви взяла его и поднесла к свету. Бриллиант вспыхнул словно пламя, и Кейт задалась вопросом: почему такое простенькое кольцо было зарыто в сыром подвале вместе с более ценными подвесками и часами?

Алмаз был плоскогранный и совершенно чистый. С помощью окуляра Кейт исследовала его на предмет временных изменений. Дефектов. В наше время при современных технологиях алмаз можно нарастить и сертифицировать наравне с природным, а неограниченный камень отполируют так, что он будет искриться на всю комнату.

Кейт делала тщательные заметки:

3–4 карата, конец XVI или начало XVII столетия?

Маленький размер кольца. Возможно, для ребенка или миниатюрной женщины. Выемчатая эмаль. Маньеристский стиль. Черные цветы на белом. Анютины глазки? Незабудки? Кольцо обручальное? Или талисман в стиле мементо мори?

Какие заверения были даны вместе с этим кольцом? Как оно оказалось в Лондонском музее?

– Саанви, вы не знаете, откуда этот камень?

– Ну, на этот вопрос я могу вам ответить, – отозвалась хранитель, улыбаясь. – Мы протестировали его с некоторыми другими и теперь точно знаем, что сырье было из Голконды. Так что это кольцо, – она снова поднесла его под свет софита, и алмаз вспыхнул теплым огоньком ночной свечи, – родилось в Индии.

Алмаз-сырец

Голконда, Индия, 1630 г.

Мальчик проснулся от криков брата. Это продолжалось с прошлой луны.

Сачин поднялся с соломенной циновки, которую он делил с отцом, подпоясался кожаным ремнем, завязав его узлом, и бесшумными шагами стал пробираться сквозь грязь на полу в дальний угол хижины, где лежал его брат Арджун, связанный по рукам и ногам веревкой.

Опустившись на колени, Сачин осторожно положил руку на бедро мальчика, чтобы успокоить его. Затем он ослабил веревки на лодыжках брата и обнял его голову. Поцеловав брата в макушку, Сачин прошептал молитву Махадеве.

Арджун отпихнул брата ударом двух кулаков, связанных вместе, но его взгляд был похож на взгляд перепуганного животного. Он всхлипнул и постарался как можно плотнее сжаться в клубок.

Сачин чувствовал, что от брата исходит запах высохшей мочи. Он встал, затем помог Арджуну подняться на ноги. Они пошли на берег реки, чтобы совершить омовение и прочитать молитву.

В это время в противоположном углу глинобитной хижины их мать и сестра возились возле очага. Сестра скатывала в ладонях шарики из пшеничного теста и черного сахара. Мать заправляла специями большой чайник, кипевший на углях, – палочку драгоценной корицы, кусочек корня имбиря, горсть гвоздики и щепотку кардамона. Аромат распаренных специй смешивался с дымом и наполнял хижину. Гита – старшая сестра – должна была с крошечным кувшином за парным молоком, которое давала корова, принадлежавшая деревенской общине, и тогда они закончат приготовление утреннего чая.

Когда братья шли к реке, Арджун вертел головой в разные стороны, раздувая ноздри, как верблюд, приносивающийся к ветру, и вскоре стало видно, что он успокаивается. Задрав голову к небу и разглядывая проплывающие облака, он словно пытался вдохнуть их. Рассмеявшись, он поднял вверх связанные руки в надежде ухватить белые клубки, как пролетающих бабочек.

У Сачина сжало грудь, когда он заметил кровотокающие рубцы на запястьях брата. Он подумал, что, возможно, мама даст ему немного куркумы и топленого масла, чтобы обработать раны.

Как же ему хотелось развязать Арджуну руки! Но после того, как брат ударил местного брахмана о каменную стену во время совершения молитвы, отец пообещал общине, что будет держать своего старшего сына на привязи, как зверя.

Брахман сказал, что у Арджуна дьявольская лихорадка, но он ошибался. Арджун не был одержим злом. Просто его напугала и сломила авария в шахте, которая произошла годом раньше. Это же чудо, что он выжил, думал Сачин. Арджуна завалило в забое, где он работал. Он был погребен под кучей грунта, обвалившегося со стен. С тех пор он уже не был самим собой. Никто не хотел встречаться с ними взглядами, когда они шли к реке мимо таких же глиняных хижин, как и у них.

Горный утес возвышался над холмистым подножием, заросшим джунглями. Воздух был густой и влажный. На лбу Сачина уже начали проступать капельки пота. Из глубин тропического леса доносился утренний птичий щебет и вопли диких обезьян. Уже не первый раз Сачин задумывался, а каково было бы углубиться в эти дебри и затеряться среди пышной листвы. Какие земли, что за королевства находятся за этими горными хребтами?

Мимо них шел караван из дюжины деревянных фургонов, запряженных волами, покрытыми дорожной пылью. Дорога, соединяющая шахты, крепость Голконды, Хайдарабад и порт Гоа, представляла собой непрерывный поток караванов. Одни были нагружены хлопком,

шелком, рисом, кукурузой и солью. Другие везли заморские специи, сахар и мускатный орех. Большинство торговцев составляли кочевники и персы. Но последнее время здесь стали появляться разного сорта чужеземцы, обутые в изящные туфли, обливающиеся потом в своих длинных чулках, шерстяных панталонах и камзолах, с прилипшими ко лбу локонами напудренных париков.

Эти откормленные мужчины с мясистыми розовыми щеками бродили по деревне между глиняными хижинами с соломенными крышами, проклиная и распугивая коз и цыплят, попадавших на их пути. Они пытались с помощью подкупа обратиться к шахтам, располагавшимся между рекой и подножием хребта, но местные торговцы и охрана не шли на подкуп. Эти шахты принадлежали королю Голконды, и если чужеземцы хотели увидеть добытые алмазы, они должны были идти со всеми другими торговцами на местный базар.

Бык вяло помахивал хвостом, когда один из чужеземцев остановил фургон и приказал выгружать из него мешки с пшеном. Сачин слышал, что этот белый человек, с обгоревшим на солнце носом и щеками, выложил двадцать тысяч золотых пагод за один рубин и горсть алмаза-сырца. Он пытался представить себе вес этого золота и что можно было бы купить на него для родителей, братьев и сестер. Они могли бы полечить Арджуну у хорошего городского лекаря. Купить стадо коров для молока и приготовления мягкого сыра. Возможно, и поле, чтобы выращивать рис или пшено. Ведь его родители уже немолоды и сгорбились не по годам, а получали по три пагоды в год за тяжелый труд в шахтах.

Сачин не спеша шел вниз по склону, где с шумом несла свои воды по галечному дну река Кришина. Арджун семенил впереди, дергая за веревку, жаждущий побыстрее добраться до воды. Этот ежедневный совместный ритуал омовения в реке стал единственным радостным моментом для Сачина, перед тем как он прочтет молитву и отправится на работу в забой.

Искушавшись, Сачин встал на колени рядом с братом. Он слышал, как неподалеку женщины просеивали гальку в плетеных корзинах и раскладывали ее на берегу, чтобы она просохла. Затем их дети несколько раз перевероят эту гальку, чтобы она прожарилась на солнце со всех сторон, а женщины возьмут деревянные дубинки и примутся дробить ее. Когда это будет сделано, все снова соберут в корзины и опять начнут просеивать.

Под жуткий галечный скрежет, разносившийся в тяжелом влажном воздухе, Сачин трижды поклонился статуе богини Лакими и начал молиться. После молитвы брахман смазал им брови оранжевой пастой, состоящей из топленого масла с шафраном, и приклеил семь рисовых зерен для обретения силы и благополучия.

Сачин потерял счет рисовым зернам, побывавшим у него на бровях. А все алмазное сырье, которое они извлекли из своих забоев, было темным и мутным и принесло им лишь новый тюрбан и несколько отрезков хлопка.

Сачин и вся его семья омыли руки и ноги в реке, и брахман раздал им дневную порцию пищи – горстку риса на сплетенных листьях шореи. И еще сегодняшнее утро одарило их медной чашкой теплого топленого масла, смешанного с сахаром и корицей, чтобы сдобрить рис.

Сачин посмотрел в сторону растущего поблизости баньяна, в тени которого спал, свернувшись калачиком, Арджун. Веревка была привязана к стволу. Вот такова теперь была их жизнь: добывать алмазы в шахтах и таскать с собой на привязи сына, как какого-то дикого козла, и его брата.

Солнце поднималось все выше, и камни в забое нагревались все сильнее. Сачин должен был работать быстрее, чтобы не обжечь пальцы. У него пересохло в горле. С трудом сглотив, он страстно захотел погрузиться в мелководье Кришины.

Арджун лежал и стонал, волосы облепили его вспотевшее лицо.

Сачин зачерпывал гравий полными пригоршнями и просеивал сквозь пальцы, высматривая искорки света. Он делал это снова и снова. Кожа на руках была вся содрана и раздражена. И вот наконец он зажал между пальцами алмаз-сырец. Сачин вытер камень о набед-

ренную повязку и подставил к свету. Охранник заметил это и подошел ближе, чтобы Сачин не проглотил находку.

Сачин послушно кивнул, и сердце его учащенно забилося, когда старший охранник достал баньяновый лист и приложил к нему камень, чтобы проверить его чистоту. Парень потянулся посмотреть, но тут же получил оплеуху и был отправлен работать дальше. Охранник ухмыльнулся, и алмаз перекочевал в кожаный мешочек, висевший на его ремне.

Остальные охранники выстроились плотной стеной за спиной Сачина и зорко следили за работой в забое, а мальчик вновь взялся просеивать гравий, надеясь на новую удачу...

Пот заливал его лицо. Если бы он только мог глотнуть воды. Или хотя бы напоить мать и сестру.

Под деревом зашевелился Арджун. Он встал и стал дергать за веревку, которой был привязан к стволу.

Охранники обернулись и принялись смеяться. Для них он был всего лишь забавой, как танцующая обезьяна на базаре. Сачин тяжело вздохнул и отвернулся, чтобы не видеть этой жестокой сцены, и вдруг заметил среди груды гравия характерный проблеск. Он отклонился в сторону, чтобы его тень скрыла алмаз.

В это время Арджун начал стонать и пинаться. Он рванулся изо всех сил, оборвал веревку и побежал прямо на охранников. Они оставили свои посты позади Сачина и кинулись навстречу Арджуну.

– Шабдкош! Шабдкош!

Дьявол.

Один из охранников повалил Арджуна на землю, другой схватил его за ноги, а третий вытащил из-за ремня пистолет. Отец Сачина выскочил из забоя и бросился к охранникам. Подняв руки вверх, он встал между дулом пистолета и своим старшим сыном. Отец громко спорил с главным охранником, когда Арджуна снова привязывали к дереву.

Когда мать, оставив свою корзину, бросилась успокаивать сына, Сачин нагнулся, выковырял алмаз из гравия и ахнул. Камень был чист, как слеза, и сиял так, будто у него внутри поселилось пламя.

Как зачарованный, Сачин не мог оторвать взгляда. Никогда раньше не видел он такого сияния. А ведь камня еще не касались полировочные круги. И Сачин сразу понял, что у него в руках особенный алмаз. Впервые он поверил заверениям брахмана, что алмазы Голконды самые могущественные. Сжав камень в кулаке, Сачин призывал силу камня и силу своей коронной чакры защитить его брата.

Арджун стонал и бился, привязанный к дереву, а мать стояла рядом и взывала к Божественной матери.

Старший охранник заорал, требуя порядка. Отец обернулся к мечущемуся Арджуну и принялся умолять его успокоиться.

Сачин оттянул веко и вложил за него алмаз, затем тоже бросился к брату. Камень щекотал ему глазное яблоко, и слезы потекли ручьем, но Сачин смахивал их тыльной стороной ладони. Этот алмаз спасет их всех.

– Арджун! – взмолился Сачин, подбегая к брату.

Арджун стоял на коленях, связанный по рукам и ногам. Во рту у него пеннелась слюна, и на шее вздувались вены, когда он бросался на охранников, которые били его ногами, обзывали и дразнили, будто они на петушиных боях.

– Остановитесь! – закричал Сачин, бросаясь между охранниками и преклоненным братом, как до этого поступил его отец.

Охранники перекинулись на него и сбили с ног.

– Шабдкош! – крикнул один из охранников, хохоча.

Арджун кинулся ему под ноги и вцепился зубами в лодыжку. Охранник запрокинул голову и взвыл, как волк.

Сачин почувствовал, как камень все глубже вбивается в его глаз, когда он упал на Арджуна, чтобы прикрыть от новых побоев, и теперь их мокрые от пота тела переплелись в один катающийся по грязи клубок.

Последнее, что слышал Сачин, были пистолетные выстрелы.

Один, затем второй.

Глава 6

Кейт

Лондон, наши дни

– Добро пожаловать в компанию «Голдсмит», – поприветствовал Кейт на входе лакей в костюме Елизаветинской эпохи – в штанах аппа-стокс поверх белого трико и красном джеркине.

Затем он проверил ее удостоверение личности и вручил элегантную бутоньерку из розмарина, лаванды, руты и белой розы, перевязанную темно-синей лентой затейливым бантом. Кейт надела бутоньерку на запястье и поднесла ее к носу. Вдыхая аромат трав, она пересекла мраморное фойе и поднялась по парадной лестнице в Ливрейную залу.

Кейт словно попала в гигантскую шкатулку для хранения драгоценностей – по периметру коринфские колонны из розового мрамора, в золотых арках – красные бархатные портьеры, а на высоком потолке лепнина с позолотой. Освещали залу четыре огромные хрустальные люстры.

Но старомодный официоз интерьера разрушался современным ритмом, которым прокачивал зал верзила-диджей, похожий на Ру Пола. Благодаря слайдам с изображениями антикварных украшений: колец, ожерелий и брошей, которые проецировались на стены под разными ракурсами, казалось, что помещение вращается.

На протяжении последнего десятилетия каждый июнь ювелирная компания «Смит, Шоу и сыновья» устраивала в здании «Голдсмит» – самом престижном салоне в Лондоне, расположенном всего лишь в одном квартале от собора Святого Павла – гала-выставку, которая являла собой кульминационный момент лондонского летнего сезона. Хозяйка компании и лучшая подруга Кейт – София Шоу – менее чем за десять лет сумела превратить скромный семейный бизнес в крупнейший ювелирный дом в Лондоне, не имея при этом ни братьев, ни сыновей в качестве помощников.

Кейт лавировала в толпе ювелиров, аристократов и одетых с иголки китайских миллиардеров, среди которых были и ее клиенты. Расположившись под зелеными сводами звездного жасмина и бугенвиллий, они потягивали шампанское «Крюг». Высмотрев свою подругу, Кейт заулыбалась как помешанная и помахала ей.

София Шоу щеголяла в ярко-розовом сари, новым бирюзовым каре, обрезанным по линии подбородка, в носу – крохотный изумрудный пирсинг. Заметив сигналы Кейт, София помахала в ответ, скорчила рожицу и кивнула в сторону соседней комнаты, артикулируя одними губами: «Встретимся там», изобразив, как хватается за бокал с шампанским. Все как обычно.

Среди гостей прохаживались демонстраторы – женщины в золотистых шелковых юбках и жакетах и мужчины в белоснежных гофрированных манжетах и воротниках, с поясов их свисали настоящие мечи-бастарды. Корсеты у женщин были настолько тугие и откровенные, что Кейт удивлялась, как грудь не выскакивает у них наружу при каждом движении. Эти костюмы Елизаветинской эпохи служили своего рода подиумами для демонстрации украшений из последней коллекции от Софии. Массивные изумрудные кольца сверкали между складок гофрированных воротников, чопорные золотые броши красовались на груди артистов, а с плеч до талии свисали золотые и жемчужные ожерелья. Это были современные изделия, но София решила показать, как их носили в семнадцатом столетии, когда корабли королевы Елизаветы господствовали на море. Мочки женских ушей сверкали разнообразными сережками из

золота и драгоценных камней, и вся эта роскошь вызывала явное беспокойство у охранников, одетых во все черное.

– Кейт! Еще раз здравствуй! – Люсия Райт расцеловала ее в обе щеки. – Ну разве София не прелесть?

Они обе смотрели на хозяйку выставки, которая в нескольких шагах от них танцевала в стиле робот, а вокруг нее собирались знаменитости музыкального шоу-бизнеса, смеясь и аплодируя.

– Обожаю ее. Вот, взгляни, – Люсия обернулась, осматривая зал. – София попросила меня предоставить ей несколько слайдов из музея – она задумала показать своеобразную ретро-спективу лондонских украшений на этом мероприятии. Вот, следите.

Не успела она закончить, как на противоположной стене возникло изображение бриллиантовых и жемчужных брошей из коллекции королевских драгоценностей.

– А вот и тот, с кем бы я хотела тебя познакомить...

К ним приближался невысокий, плотного телосложения мужчина с застенчивой улыбкой на лице.

– Кейт, это Томас Грин, библиотекарь из «Голдсмит». Возможно, он сможет помочь тебе со статьей. Томас, это Кейт Кирби, в прошлом моя лучшая студентка. Она пишет статью для американского журнала о чипсайдских драгоценностях. Так что я вас оставляю.

Последние слова Люсии пришлось прокричать, перекрывая речитатив Эминема, затем она повернулась и пошла к группе броско разодетой молодежи.

– Чем я могу помочь? – доброжелательно спросил Томас, и Кейт сразу же прониклась к нему симпатией. Ей вообще нравились библиотекари.

Она придвинулась поближе, чтобы ее было лучше слышно, и спросила:

– Не могли бы вы помочь определить, кто владел участком на Чипсайд, где были найдены драгоценности?

– Ну, это сложный вопрос. Мы знаем, что тайник был обнаружен на участке 30–32 по Чипсайд.

– Да, Саанви дала мне адрес, и я прогулялась мимо по пути сюда, – сказала Кейт.

Это было совсем неподалеку от здания «Голдсмит» – прямо напротив собора Святого Павла.

– Вы спускались на эскалаторе на цокольный этаж? Это совсем рядом с фуд-холлом «Марк и Спенсер».

– Да, но тяжело представить и прочувствовать обстановку семнадцатого века, стоя между туалетом и обувным магазином. Единственным свидетелем из прошлого был купол собора Святого Павла, проглядывающий сквозь стеклянные стены эскалатора, – сказав это, Кейт подумала: а сколько лондонцев знает, что они буквально мочатся на свою историю?

– Проблема в том, что на этом участке проживало несколько арендаторов. По документам прослеживается сложная сеть сдачи в аренду и субаренду. Там были как местные ювелиры, так и чужие, то есть иностранные, – мастера делили помещения. Возможно, несколько ювелиров объединили свои капиталы для совместной торговли, и вот его-то и нашли рабочие спустя сотни лет.

Сотрудники музея тщательно классифицировали и каталогизировали более чем пять сотен предметов. Это может казаться излишеством, пока вы не зайдете в любой ювелирный салон на Бонд-стрит или Парк-авеню и не увидите, как много украшений там выставлено на витринах. И это не считая запасов, хранящихся в сейфах.

– На следующей неделе я еще раз пересмотрю арендные книги начиная с 1600 года, посмотрим, что еще можно найти.

– Спасибо, – поблагодарила Кейт.

– Но, к сожалению, – осторожно продолжил мистер Грин, – нет никаких записей о рабочих, которые якобы нашли тайник. И мы не знаем точного места. Кто-то мог просто скрыть свою причастность. Выдумать место, чтобы утаить истинное происхождение сокровищ...

– Если нет никаких записей, тогда как вы можете знать, что драгоценности, которые я видела в музее, все являются частью одного и того же тайника?

– Хороший вопрос. Мы и не знаем. Рабочие все находились в одном подвале, примерно в тысяча девятьсот двенадцатом году. Они рассовывали по карманам и просто грунт, и драгоценности, завязывали их в носки, майки, носовые платки. Большинство из растащенного потом в течение нескольких месяцев скупил для нового Лондонского музея антиквар по имени Джордж Фабиан Лоуренс – более известный как Каменный Джек.

Кейт достала блокнот и записала имя антиквара на чистой странице, а затем спросила:

– А что, все драгоценности из чипсайдской находки попали к этому скупщику? Могли рабочие продать камни или другие украшения кому-нибудь еще? Или просто оставить у себя?

Кейт пыталась говорить спокойно, но у нее перехватило дыхание, когда она вновь подумала о рисунках Эсси с изображением ювелирных украшений и вспомнила статьи и заметки, которые она прочитала еще в Бостоне, – статью относительно лондонского Сити... относительно судебного преследования.

– А как мы можем это знать? – пожал плечами библиотекарь. – Вполне вероятно, что мы никогда не узнаем о судьбе всех украшений. Некоторые рабочие могли, например, подарить своей возлюбленной кольцо или продать драгоценные камни какому-нибудь хитрому скупщику на том же Чипсайде. Это место было известно как ювелирный рынок, так что дефицита в покупателях не было.

– Значит, некоторые драгоценности из этой находки могут быть разбросаны по всему миру?

– Конечно.

Библиотекарь улыбнулся и принялся извиняться, когда один из демонстраторов чуть с ним не столкнулся. Кейт показалось, что библиотекарю не терпелось удалиться от разгулявшейся толпы.

– Томас пригодился? – вновь появилась Люсия с вопросом.

– Да. Мне будет чем заняться, когда я снова вернусь в Лондон через пару недель.

– Вернешься? А куда ты собралась? – удивилась Люсия.

– Джейн настаивала, чтобы мы прикоснулись к первоисточникам.

– Но драгоценности прибывают отовсюду – с колумбийских гор, индийских долин, пляжей Шри-Ланки. Жемчуг из Персидского залива и шотландских островов...

– Я решила для начала сосредоточиться на одной вещи – маленькое кольцо с выемчатой эмалью.

– Это с черно-белой глазурью?

– Да. И с алмазом из Голконды.

– Значит, в Индию. Что ж, этот алмаз один из лучших в нашей коллекции. Но никто точно не знает местоположение бывших рудников... в этом районе уже ничего не добывают.

– Я знаю, поэтому решила пойти по другому пути. Хочу увидеть базар Хайдарабада, где торговали алмазами Голконды. Я так много читала о знаменитых европейских торговцах бриллиантами, которые путешествовали по азиатским и персидским торговым путям. Джейн хочет, чтобы я – я и Маркус – добрались до истоков... Так что я хочу почувствовать эти места. Попытаться пройти этот путь от продажи камня до создания кольца – от Индии до Лондона. Также рассчитываю побывать на Шри-Ланке. Недалеко от Ратнапуры, где, по словам Маркуса, у него есть знакомые, и он меня с ними сведет. Хочу посмотреть, как сейчас добывают драгоценные камни. Саанви говорила сегодня, что некоторые камни в чипсайдском кладе, возможно, из этого региона.

– Звучит занимательно. Совсем другой ракурс... жду с нетерпением, что из этого получится! – сказала Люсия, глядя на серьги Кейт. – Кстати, дивные сапфиры.

– Спасибо. Они принадлежали моей прабабушке.

– Могу поспорить, за ними кроется какая-нибудь красивая история. Судя по васильковому цвету... Я бы сказала – Шри-Ланка, так?

– Возможно, – ответила Кейт, почувствовав, как кровь ударила ей в лицо.

Она осознавала, как нелепо это прозвучало – всю свою сознательную жизнь она летает по всему миру, изучая редчайшие образцы ювелирного искусства, охотится за необычными историями, связанными с драгоценностями, и при этом ничего не знает о камушках в собственных ушах. Сапфиры напомнили ей, как же мало она знает историю своей прабабушки Эсси.

– Я действительно не знаю, – смущенно проронила она.

– Как, совсем ничего?

– Мой прадедушка, Нейл Кирби, был владельцем судоходной компании в Бостоне. Это его подарок Эсси на пятидесятилетнюю годовщину их свадьбы.

Знал ли американский моряк, что древние греки считали сапфир символом честности и преданности?

– Вскоре после этого события он умер во сне, так что никто не знает, откуда на самом деле взялись эти сапфиры. Но я полагаю, что вы правы, они были куплены за гроши на Шри-Ланке.

– Да, вполне вероятно, – сказала Люсия, сделав глоток шампанского.

– Нейл называл Эсси – Мо сторин.

– По-ирландски это «Мое сокровище» или «Моя любовь», – перевела Люсия. – Вот вам и прекрасная история для этих сережек.

Люсия повернулась и окинула взглядом веселящуюся толпу.

– Сегодня у нас тут полный зал разных историй, не так ли? Посмотрите на всех этих людей, спотыкающихся друг о друга, в надежде прикоснуться к изделиям Софии. Могу поспорить, они хотели бы прикоснуться и к изображениям на стене. – и Люсия указала на группу гостей, которые, открыв рты, глазели на изображение глазуревого кольца с позолотой, сверкающего на стене.

– Я хочу сказать, что испытывать вожделение к бесценным украшениям – это одно, но ведь каждая из этих антикварных вещиц предназначалась для конкретного человека и была создана другим конкретным человеком. И у каждой такой вещи своя особенная история.

Кейт, соглашаясь, кивнула. Пожалуй, именно поэтому она была так заинтригована этим кольцом с крохотным алмазом.

– Вот такие персональные творения и становятся семейными реликвиями, – продолжала Люсия. – Например, твои сапфиры.

У Кейт сдавило горло, когда она вспомнила открытый залиvistый смех и непокорные локоны своей прабабушки Эсси. Похожие кудри покрывали крохотную головку Ноя.

– Когда люди просто проходят рядом с такими вещами, – голос Люсии теперь звучал тише и нежнее, и Кейт пришлось напрячь весь свой слух, чтобы расслышать ее сквозь громкую музыку, – иногда этого бывает достаточно, чтобы проникнуться некой изысканностью, чем-то таким прекрасным, что дарит нам надежду. Надежду на то, что люди могут быть красивыми, заботливыми и добрыми. – Люсия взяла Кейт за руку. – Знаешь, Китс был прав, когда сказал: «красота есть истина, а истина прекрасна, вот и все».

Красота есть истина, а истина прекрасна... Эти слова напомнили Кейт о другой вечеринке, в другом месте и в иное время.

Теперь, конечно же, уже слишком поздно. В прошлом можно копаться, но изменить его – никогда.

Глава 7

Кейт

Луисбург-сквер, Бостон, 2002 г.

Кейт и не подозревала, что в день своего восемнадцатилетия она увидит Эсси в последний раз.

– Вот ты где! – усмехнулась она, когда заглянула в кабинет и увидела прабабушку, стоящую перед купчей на пароход «Эстер Роуз». – Вечеринка началась без тебя. Гости в оранжевое восхищаются крокембушем. Я принесла тебе шампанское, – Кейт протянула хрустальный фужер.

– Спасибо, моя дорогая. С днем рождения!

Они чокнулись.

– Что это? – спросила Кейт, заглядывая в открытый ящик письменного стола.

– О, да это просто всякие вырезки и фотографии из Англии, которые меня заинтересовали. Я больше никогда не бывала в Лондоне. И я очень сожалею об этом – но эта дверь для меня навсегда закрыта, – ответила Эсси с печальной улыбкой. – И все же я любопытствую, что же происходит на моей родине.

Эсси что-то достала из ящика и тут же закрыла его.

– Вот это тебе, – протянула она Кейт маленькую деревянную шкатулочку. – Считай, что это твой подарок на день рождения... ну, или на совершеннолетие, как сама захочешь.

Махнув рукой, Эсси со вздохом опустила на диван.

– Эсси, ты же устроила для меня эту вечеринку, – запротестовала Кейт. – Не надо мне больше подарков!

– Уф! Да я просто и думать не хотела о том, что мне придется торчать в вашем бетонно-стеклянном мавзолее, который твоя мать называет домом.

– Да он стал домом года в «Воллпейпер»!

– Понятия не имею, что это означает, дорогуша. Твоя мать же не архитектор. У дома должна быть душа, уют... История. Я всегда боюсь, когда подолгу остаюсь в вашем доме, что он утащит меня в какой-нибудь потайной шкаф. Ну, открывай шкатулку!

Кейт похихикала и приоткрыла крышку – там была пара сапфировых сережек. Но это были не просто сережки – Эсси любила их больше всего.

– Я не могу это взять! – захлопнула Кейт шкатулку. – Их подарил тебе Нейл!

– Ерунда! Я настаиваю. У меня никогда не было семейных ценностей, если не считать унаследованных проблем, – ответила Эсси с печалью в голосе, и сразу будто постарела лет на десять. – Кроме того, я не могу их больше носить. Мои мочки отвисли уже до плеч. Смотри! – Эсси вытянула мочку уха из-под копны седых кудрей.

Кейт рассмеялась.

– Да ничего они не отвисли!

Она извлекла сережки из шкатулки и подставила их к свету. Она словно заглянула в океан. Сотни раз, будучи еще маленькой девочкой, Кейт игралась с этими сапфирами, катая их по туалетному столику прабабушки.

Странное выражение застыло на лице Эсси – смесь любви и грусти. Она достала из-под воротника длинные бусы, которые утекли золотым ручейком у нее между пальцев. Будто Эсси их не заслуживала.

– Забирай сапфиры, Кэтрин. Я настаиваю. Каждая девушка должна иметь что-нибудь про запас в подоле своей юбки, когда отправляется в плавание. А ты, моя дорогая, поднимаешь паруса.

Кейт присела на подлокотник дивана, растроганная подарком и еще слегка озадаченная. Шутка о запасе в подоле юбки молодой девушки показалась ей странной. Правда, Эсси всегда сыпала всякими ирландскими прибаутками... Эсси обняла правнучку за талию.

– Они очень красивые, спасибо, – сказала Кейт, чувствуя, как на глазах наворачиваются слезы.

Она будет скучать по вошедшим в привычку еженедельным визитам к прабабушке Эсси.

– Бабуль, ты же будешь мне звонить?

– Конечно, нет! Ненавижу эти ваши переносные телефоны, или как вы, молодежь, их называете. У меня он только потому, что твой отец настаивал, чтобы я всегда была на связи. Но кому же это понравится? Какое твоему отцу дело до того, чем я тут занимаюсь!

– А что, если они не смогут с тобой связаться в экстренном случае?

– Женщина должна сохранять некоторую таинственность вокруг себя.

– К слову о тайнах, помнишь, я просила твоего согласия написать о тебе во вступительном эссе?

– Ты получила мое благословение, дитя. Правда, одному богу известно, почему ты выбрала меня. Есть женщины намного интереснее, чем я.

– Ты никогда не рассказывала о своей жизни в Лондоне. Почему уехала совсем одна... – Кейт осеклась, сожалея о проявленной не деликатности.

Она знала подноготную лондонского прошлого Эсси – копченая сельдь по пятницам, звон Биг-Бена, отбивающего час за часом, суфражистки, митингующие у Монумента. Тощие дети, играющие на узких мощеных улочках в футбол с мячом из овечьего пузыря. Семья бедного ирландского иммигранта ютится в садовом домике. Некоторые из сестер и братьев так и не доживут до совершеннолетия. Неудивительно, что Эсси предпочла превратить свою жизнь в Лондоне в сказку – реальность, похоже, была сплошным кошмаром.

– Прости, я не хотела совать нос не в свое дело. Просто мне всегда было любопытно, как ты построила для себя совсем новую жизнь на другом конце мира. В колледже хотят знать, как мы учимся преодолевать трудности, но...

Она покраснела, а прабабушка потягивала шампанское. Кейт достала из сумочки копию своего эссе для вступительных экзаменов в колледж.

– Я принесла тебе копию. Подумала, возможно, захочешь прочесть когда-нибудь.

– Прочти сама прямо сейчас.

– Нет! – испугалась Кейт.

– Пожалуйста, прочти. У меня зрение совсем село...

Спорить было бесполезно. Кейт кашлянула и начала читать:

– Возможно, что моя тяга к сочинительству объясняется присутствием ирландской крови в моих венах. Моя ирландская прабабушка пересекла Атлантику в поисках лучшей жизни в Новом Свете для себя и своей будущей семьи.

Эта история о девушке, корабле и сердце, полном надежд, является неотъемлемой частью меня самой, как, скажем, моя левая рука. Однако ее жизнь в Старом Свете настолько переплелась с мифами и легендами, что я никогда не уверена, где заканчивается фантазия и начинается реальность.

Кейт взглянула поверх страницы и увидела, что Эсси, закрыв глаза, одобрительно кивала. На лице блуждала еле приметная улыбка. А может, она уснула?

Вдруг глаза ее распахнулись, и она выкрикнула:

– Ну, продолжай!

– Я просто подумала...

– Дальше, Кэтрин, – твердо потребовала Эсси.

И Кейт повиновалась.

– Рассказы о детстве моей прабабушки пахнут колканонном и яблочными пирогами, и еще они богаты вырытыми из земли кладами и пригоршнями старинных драгоценностей. Хотя шрамы, покрывающие ее руки, и скудные сведения о людях, которых ей пришлось покинуть, намекают на другой сюжет, менее сказочный и более мрачный.

– Как-то театрально, не находишь, дорогая? – хмыкнула Эсси. – Это ты у матери набралась, – она махнула рукой, чтобы Кейт продолжала.

– Я заметила, что одни истории люди оберегают, улучшают, а другие просто забывают. Как будто, похоронив прошлое, они смогут оградить будущее поколение от бед, выпавших на их долю. Но я сомневаюсь, что такая перекройка истории поможет нам обрести безупречное будущее.

Кейт помолчала, гадая, сколько ей еще придется читать...

Эсси выпрямилась и, вложив руку в руку, сжала их перед собой. Когда она подняла голову, в глазах стояли слезы.

– Продолжай, дитя.

– Ну ладно... Когда я прихожу навестить свою прабабушку на Луисбург-сквер, я присаживаюсь на ступени ее крыльца и смотрю на две статуи, что стоят в парке перед ее домом. В детстве мы с сестрой играли в футбол в этом парке. И частенько забирались на статуи. В северном конце парка стоит Христофор Колумб – гордый, мокрый, подернутый мхом. В противоположном конце – Аристид Справедливый. Два бесспорно храбрых человека – мужчины – открыватели новых земель. Но оба оставили после себя шлейф тайн, мрака и лжи.

Эсси вздернула белоснежные брови.

– Понятия не имею, к чему это, – сказала она с кривой усмешкой.

У Кейт затряслись руки, ей было тяжело держать листы и читать. Голос зазвучал натужно, как у ученицы средних классов на экзаменах, но она продолжала:

– Существует множество свидетельств о великих людях. А как насчет простых женщин, пустившихся в далекие страны строить новую жизнь? Где же их истории?

– Простых! – повторила Эсси, фыркнув, но Кейт и на этот раз пропустила ремарку прабабушки, переходя к сути своего эссе.

– Я хочу посвятить себя исторической науке, чтобы исследовать, как люди строили свои жизни, свои миры... свои личностные истории. Сопоставлять противоречивые предания с имеющимися историческими фактами. Я хочу изучать жизни людей, которые преодолевали невзгоды, справлялись с моральными дилеммами и имели мужество рискнуть и пойти другим путем, свернув с предначертанного. Моя личная история сплетена с историей моей прабабушки. И однажды я надеюсь разрешить загадки прошлого ради своего будущего.

– Ну что, приличное эссе, – сказала Эсси, нервно усмехаясь. – Похоже, ты унаследовала ирландский дар травить байки. А что, может, когда-нибудь из тебя выйдет писатель. Ты не думала об этом? Если нет, подумай... Я и не подозревала, что ты настолько была...

– Увлечена?

– Скорее любопытна, – рассмеялась Эсси. – Мое прелестное дитя, ну не всерьез же вы верили тем рассказам, что я вам с Молли тут плела?

– Ну... – Кейт растерянно пожала плечами.

– Послушай, что я тебе скажу, Кэтрин, – подалась вперед Эсси. – В Бостоне у меня сложилась отличная жизнь. Прекрасная семья – плутоватые правнучки, – она похлопала Кейт по ноге. – Твой прадед и я не побоялись начать все с нуля, и... удача нам сопутствовала. И в день твоего восемнадцатилетия я должна сказать, пусть прямым будет путь твой, ну и все такое... У меня для ужина заготовлена целая речь, знаешь об этом?

– Я и не сомневалась! – ответила Кейт взволнованно.

О речах Эсси ходили семейные легенды, а она утверждала, что просто наверстывает упущенное.

Эсси поднялась с дивана, в одну руку взяла трость, а другой прикрыла шкатулку, которую держала в руках Кейт.

– Знаешь, на моих глазах ты из ребенка превратилась в мыслящую девушку. Твое эссе... – Эсси помолчала, затем подняла руку и коснулась щеки Кейт. – Я вижу, ты начинаешь понимать, что не все в этой жизни однозначно – только белое или черное. Тебе уже восемнадцать, и думаю, что могу рассказать тебе кое-что о своей молодости... Возможно, тогда ты поймешь, почему я никогда не возвращалась в Лондон, хотя это и разбило мне сердце. Я совершила ужасную ошибку, и чувство вины терзает меня и по сей день.

В глазах у Эсси промелькнула боль, голос ее дрогнул, когда она снова заговорила:

– За восемьдесят лет никто даже не поинтересовался по-настоящему. Ни твой дедушка, ни твой отец – у них всегда на уме были лишь одни морские линии и порты. Меня гложет червь раскаяния, Кэтрин. И все же я уверена, покинуть Лондон навсегда было правильным решением. И это не противоречит одно другому – и то и другое может быть правдой. Можно жить с сердцем, отягощенным скорбью и утратой, и в то же время наполнять его любовью и надеждой.

– Я не понимаю, – сказала Кейт, хмурясь. – Почему ты просто не попыталась там? Не потому же, что ты не смогла бы найти себе применение!

– Вот что я тебе скажу: возможно, в следующий раз я приготовлю нам немного колканона и расскажу тебе свою историю. С самого начала.

– И про чипсайдского эльфа с зелеными глазами?

– Откуда ты это выкопала? – прищурив глаза, поинтересовалась Эсси. – Мне кажется, у тебя в голове какая-то каша из народного творчества, моя красавица.

– Но ты же сама потчевала нас с Молли этим народным творчеством еще в детстве.

– Дорогуша, – улыбка Эсси смягчилась, – нам всем надо верить во что-то прекрасное. В маленькое чудо. Это поддерживает нас в тяжелые времена...

Глава 8

Кейт

Лондон, наши дни

Диджей поставил ритмичную музыку, и гости в зале закричали и пустились в пляс. В поисках Софии Кейт зашла в гостиную, отделанную дубовыми панелями. Отражаясь от мраморных колонн, музыкальный ритм сотрясал гостиную. Кейт коснулась своих сапфировых сережек, думая, что в ней есть что-то от Эсси, например, желание держать свои сокровенные мысли, свои травмы при себе.

Эсси заполняла свою жизнь работой и благотворительностью. Были ли для нее эти свершения собственной стратегией выживания, когда она окунулась в новую жизнь по другую сторону Атлантики?

Кейт сожалела, что так и не услышала от Эсси обещанную историю о том, почему ее прабабушка покинула Лондон и никогда туда не навещалась. Эта тайна была похоронена вместе с ней.

Стоя в углу гостиной под стеблями жасмина, свисающих с потолка, Кейт достала свой блокнот и пролистала страницы до рисунка пуговицы, чтобы еще раз рассмотреть его. Могла ли Эсси видеть что-нибудь из драгоценностей, найденных на Чипсайде? Захлопнув блокнот и убрав обратно в сумочку, Кейт направилась к Софии и ее мужу Джорджу.

Кейт познакомилась с Софией в летней школе Оксфорда, где они обе готовились к защите своих докторских по истории Елизаветинской эпохи. Их связала любовь к теплему пиву и ненависть к регби. София была художавой. От своей матери-индианки она унаследовала блестящую кожу и гортанный смех, как у Греты Гарбо. После двух лет бродяжничества по Юго-Восточной Азии с рюкзаком за спиной София бросила своего мужа-голландца, которого она подцепила на ночной вечеринке в Таиланде, а вместе с ним рассталась и со своими дредами и мерзкой привычкой курить гвоздичные сигареты. Она вернулась домой и возглавила семейный бизнес, специализируясь на ювелирном антиквариате со своим кругом клиентов и шикарным офисом рядом с Нью-Бонд-стрит. В прошлом году она вышла замуж за Джорджа Грина – владельца ювелирного салона на Хэттон-Гарден и заядлого любителя регби.

– Я так рада тебя видеть! – воскликнула София, обнимая Кейт. – Выглядишь потрясающе!

– Обожаю женщин в смокинге. Просто шик! – сказал Джордж, целуя Кейт в обе щеки. – Рад видеть.

– Это замечательно, что ты смогла прийти, Кейт. И спасибо, что уговорила Люсию одолжить нам пару каталожных изображений для шоу, – добавила София, сжимая Кейт руку.

– Да я с радостью. Жаль, не могу остаться подольше. Уезжаю в Индию на днях.

Они вышли на середину комнаты, чтобы лучше были видны изображения трех предметов из чипсайдской коллекции, спроецированные на потолок.

– Этот флакончик берет первый приз! – сказал Джордж, указывая на помандер.

Кейт принялась разглядывать крохотные цветы, нарисованные на глазури помандера, они были украшены опалами, рубинами, алмазами и розовыми сапфирами, что создавало ощущение живой природы. Весеннего пейзажа.

– Вижу, что ты выбираешь самое ценное, – подмигнула Кейт Софии за спиной Джорджа. – Я бы и сегодня нацепила это на длинную цепочку.

– Я бы тоже, – согласилась София.

Кейт стало не по себе, когда она подумала о женщине, которая, цепляясь за такую вот изящную безделицу, – цеплялась за надежду выжить, когда во время эпидемии чумы каменные улицы Лондона тонули в отходах и мусоре, кишели нищими и крысами и были усеяны разлагающимися телами погибших горожан.

– Интересно, спасло ли это ее, – задумчиво произнесла София.

– Сомневаюсь! Ни один драгоценный камень не может противостоять бактериям. Правда, рубины считались оберегом от чумы. Бриллианты – охраняли, в смысле, они неуязвимы, так ведь? Опалы для облегчения головной боли, судя по всему.

– Хороши с похмелья, – добавил Джордж, снимая с серебряного подноса у проходящего мимо официанта три бокала с шампанским и протягивая один Кейт.

В это время размноженное изображение черно-белого кольца с одиночным алмазом из Лондонского музея засветилось на всех стенах и потолке зала.

Для кого же оно было сделано?

– А ты знаешь, что этот алмаз из Голконды? – спросила Кейт, указывая на изображение.

– А-а, – протянул Джордж, разглядывая кольцо. – Так вот почему ты собралась в Индию. У меня есть клиенты, готовые заплатить любую цену за голкондские бриллианты – они такие редкие. Единственный, о котором я слышал за последние пару лет, был бриллиант чуть больше десяти каратов. Его продали на аукционе «Кристи» в Нью-Йорке более чем за двенадцать миллионов долларов. Но сейчас поговаривают, что такая цена могла бы быть лишь за один карат, – он пожал плечами. – Никто не хочет продавать. Их перестали добывать в начале восемнадцатого столетия.

– А это не Александр Македонский писал, что голкондцы сбрасывали куски мяса к подножию своих гор, где обитали ядовитые змеи, затем посылали в долину орлов, которые приносили мясо обратно на гору, уже напичкованное чистейшими алмазами?

– Так выпьем за небылицы, – рассмеявшись, предложил Джордж, и они чокнулись своими бокалами.

– Но ведь они не всегда светлые, правда же? – поинтересовалась Кейт, вспомнив легендарный голубой алмаз Хоупа, который, предположительно, был найден в Голконде.

– Совершенно верно. Но все драгоценные камни Голконды объединяет магическое качество. Это словно смотреть в чистейшую реку, протекающую внутри камня. Раньше их так и называли – чистая вода. Если бы мне довелось продавать такой камень, я бы не отдал его первому встречному лишь потому, что он предложил наивысшую цену. Владелец такого камня должен ценить красоту...

– Ты старый романтик, – сказала София, расплывшись в лучезарной улыбке.

Кейт пристально наблюдала за своими друзьями. Джордж смотрел на Софию так, словно узнал ее совсем недавно. Он явно гордился своей умной женой, и всякий раз, когда Кейт находилась рядом с этой колоритной парой, она не могла отделаться от чувства ревности. Безусловно, она очень нежно относилась к ним обоим, просто их присутствие наталкивало ее на мысли, а сможет ли она вновь обрести с кем-нибудь такую же глубокую связь.

Они продолжали стоять и рассматривать спроецированное изображение черно-белого кольца с бриллиантом.

– Для кого же оно было создано?! – воскликнула София неожиданно громко. – Тончайшая отделка. Сделать такое кольцо потребовалось много времени. Здесь замешана настоящая любовь, – София посмотрела на Джорджа и сжала его руку, он склонился и нежно поцеловал ее в губы.

Кейт прильнула к бокалу и отвернулась. Краем глаза она заметила Маркуса, который беседовал с Люсией в кругу небольшой компании. Он словно почувствовал ее взгляд, обернулся, помахал ей и снова вернулся к беседе. Кейт не могла понять, что ее удивляло больше

– то, что Маркус привез в Лондон смокинг, или то, что выглядел он в нем совершенно естественно.

Она снова повернулась к своим собеседникам, как раз в тот момент, когда София подняла бокал и провозгласила тост:

– За Голконду. Пусть она удивит тебя!

Глава 9

Эсси

Лондон, июнь 1912 г.

В пятницу после полудня Эсси, стоя на коленях возле парты, помогала отстающему ученику в классе мисс Барнс справиться с заданием по правописанию – это была часть уговора, согласованного мисс Барнс с директором школы, благодаря которому близнецы и Герти могли оставаться в школе до конца текущей четверти. Но директор предупредил: если Эсси не выплатит положенные три пенса в неделю за каждую девочку, то всех немедленно отчислят.

А когда четверть закончится, то Герти придется оставить школу и пойти работать на фабрику вместе с Эсси. Мама уже скрепила подписью договоренности с мистером Рубеном и о размере еженедельной заработной платы Герти, и дату начала работы, несмотря на все просьбы Эсси оставить сестру в школе хотя бы до конца учебного года.

– А как мы будем за это платить, Эсси? – кричала мама.

Эсси, помогая мальчишке усвоить алфавит, облокотилась на парту, чтобы дать своим коленям отдохнуть.

Когда она обратилась на фабрике к своей управляющей с просьбой отпустить ее после обеда в пятницу, чтобы она могла помогать в школе, миссис Рубен согласилась неохотно.

– Я буду вынуждена сократить тебе зарплату, – ворчала она.

Но когда Эсси осмелилась просить, чтобы вместо оплаты ее рабочих часов миссис Рубен хоть частично покрывала расходы на обучение сестер, управляющая встала на дыбы.

– Это фабрика, а не благотворительное заведение, юная леди! Я буду вам весьма благодарна, если вы не будете эксплуатировать мое добродушие.

Но на послеобеденную пятницу она согласилась. Правда, Эсси подозревала, что об этой маленькой уступке мистер Рубен так и не узнал. Несмотря на то, что миссис Рубен была деспотом в юбке, она все же по-своему заботилась о фабричных работницах. На прошлой неделе Бриджит нашла в своей корзине довольно большой отрез шерстяного сукна. И когда обескураженная девушка показала его миссис Рубен, та просто грубо отмахнулась:

– Все равно он шел на выброс, так почему бы из него не сделать детское одеяло.

Вот так и получилось, что Эсси согласилась помогать мисс Барнс с ее учениками читать и писать по пятницам с обеда в обмен на обучение сестер.

– «И», – тихонько подсказала Эсси, и мальчик принялся старательно выводить букву мелом на грифельной доске.

– Можешь припомнить три слова, которые начинаются на букву «И», Джек?

– «История», мисс. Еще «изверг» – это как мой папа, – мальчик робко оглянулся, боясь, что его услышал учитель, но мисс Барнс вышла в другую комнату.

– Еще одно, – напомнила Эсси.

– «Искра», – мальчуган одарил ее щербатой улыбкой. – А это как вы, мисс. У вас здесь самая красивая улыбка. Не то, что у мистера Мортонна, – прошептал заговорщицким голосом мальчуган и принялся рисовать букву «К».

– Ну что ж, – погладила его по спине Эсси, поднимаясь с пола. – Благодарю вас, магистр Уэйнрайт. Вы очень любезны, – прибавила она шутивно-официальным тоном.

Мальчуган рассмеялся, а Эсси лишь грустно улыбнулась. Как бы ей хотелось, что бы он вот так вечно сидел за своей партой, пукал и, кроша мелок, царапал на доске кривые буквы. Но вместо этого совсем скоро ему исполнится одиннадцать, и он будет вкалывать в доках со своими четырьмя старшими братьями.

Сможет ли Эсси уберечь своих сестер от такой жестокой судьбы?

Встав перед классом, Эсси посчитала детей с разбитыми коленками, хромых, беззубых и сутулых – почти половина класса.

Еще больше было босых.

Эсси пересчитала проклятия и своей семьи: с Мегги все будет хорошо, лишь бы она быстрее оправилась от простуды; девочки обязательно окрепнут, как только на ноги им поставят скобы, – для этого Эсси должна найти дополнительные деньги. По крайней мере, они все обуты. Уже кое-что...

Эсси подошла к классной доске, где безукоризненным почерком мисс Барнс расписала задание по правописанию.

– Когда вы закончите с алфавитом, – обратилась она к ученикам, указывая на классную доску, – я хочу, чтобы вы переписали это задание на свои доски.

В дальнем углу класса спали трое светловолосых мальчишек – они попеременно, то утром, то вечером, подрабатывали на мельнице. Солнечные лучи, пробиваясь в окно, высвечивали рой веснушек на лице самого младшего. Он выглядел таким безмятежным, моложе своих одиннадцати лет. Мальчуган что-то быстро пробормотал и почесал нос. Эсси поморщилась. Руки у мальчика были красные, кожа потрескавшаяся и морщинистая, как у старика.

Впрочем, как и у нее. Эсси достала из кармана фартука склянку с мазью от соседки, миссис Ярвуд, – смесь пчелиного воска с миндальным маслом, и похлопала веснушчатого мальчишку по плечу:

– Вот, Джимми, натри этим руки. Сразу полег- чает.

– Спасибо, мисс, – поблагодарил мальчишка, зачерпнул пальцем мазь и принялся втирать в огрубевшую от работы кожу рук.

Эсси разгладила юбку и пошла к Герти, которая корпела над своим заданием. Когда все остальные дети писали свой урок на досках, у Герти была специальная тетрадь. Страницы тетради были разделены на три колонки. В первую колонку вписывались английские слова, а в оставшиеся две Герти должна была заносить перевод этих слов на латинский и французский языки. Глядя на сестру, Эсси испытывала гордость, пока не заметила блеск золота под рукавом Герти.

Такую же пуговицу она видела вчера вечером.

* * *

Фредди вернулся домой, по обыкновению грязный после земляных работ, и прошел прямо на кухню, где вокруг стола собрались все его сестры. Обычно он бывал очень уставшим и хотел быстрее умыться, поужинать и рухнуть в кровать, но в тот день он явился с работы очень возбужденным. Он дергал плечами, а руки держал в карманах брюк. Эсси сразу подумала о драгоценностях, которые рабочие пригоршнями выковыривали из грунта на Чипсайде...

Герти как раз закончила дополнительное задание по математике от мисс Барнс и принялась рисовать близняшек с косами до плеч, заговорщически склонившихся друг к другу.

Эсси стояла у стола, разминая листья плюща деревянной скалкой, перед тем как опустить их в кастрюльку с закипающим портвейном с корицей. На кухне стоял насыщенный сладковатый запах трав – как на Рождество. Соседка, миссис Ярвуд, научила Эсси готовить целительную настойку.

– Глоток настойки плюща лучшее средство от перепоя, дорогуша, – заверила она.

Так или иначе, мама пребывала в мрачном настроении, и порция этого варева усыпит ее до утра.

И все же Эсси была расстроена, что мама потратила весь ее дневной заработок на выпивку. Самое неприятное было то, что в доме не было даже чая, чтобы разбавить огорчение.

Близняшки не сводили с Герти зачарованных глаз. Они лишь изредка ссорились из-за того, кому передавать чернильницу старшей сестре, толкались и легонько пихали друг друга костлявыми локотками в тощие животы.

– А кто хочет поиграть в пуговицы? – вдруг громко спросил Фредди.

Этой игре девочек научил их отец, когда перед самым отъездом на фронт у него с мундира оторвалась медная пуговица. Мама тогда прервала игру, выпроводила детей и аккуратно пришила пуговицу обратно.

– Я! – завизжали девочки хором.

Мегги вскочила, бросилась к брату и обхватила руками за ноги.

– А теперь вспомним, как это делал папа. Красиво и быстро. Протяните руки, юные леди. Обе руки. Закройте глаза. Я сказал, закройте как положено – а вы, мисс Флора Мёрфи, – только зажмурились.

Он пощекотал ей животик, и Флора взвизгнула, хохоча и пытаясь увернуться.

– Ну, Фредди, честное слово, – вздохнула Эсси, складывая постиранное белье. – Я старалась их утихомирить перед сном, не тревожить, чтобы они быстро заснули.

И хотя Эсси делала вид, что отчитывает брата, когда она видела его ввалившиеся бледные щеки и уставшие глаза, от жалости у нее слабели руки. Фредди пытался заменить отца, искал денежную работу, чтобы обеспечивать всю семью, но, по сути, он был еще совсем мальчишкой, без какого-либо ремесла, без образования, и своими потугами и беспомощным оптимизмом скорее походил на Герти, чем на главу семейства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.